

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

СНАЙПЕРЫ СТАЛИНГРАДА

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин
Снайперы Сталинграда

«Яуза»

2012

Першанин В. Н.

Снайперы Сталинграда / В. Н. Першанин — «Яуза»,
2012 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

Они не заканчивали специальных школ, где опытные инструкторы учили бы их тактике снайперского дела, – да и школ таких в Красной Армии 1942 года практически не было. Они осваивали профессию снайпера на передовой, в огненной преисподней Сталинграда, где наши войска, прижатые к Волге, истекали кровью в многомесячных городских боях Ежедневно рискуя жизнью, они выбивали немецких офицеров и пулеметные расчеты, связистов и артиллерийских наблюдателей, не давая гитлеровцам поднять головы. Они охотились на врага, а враг охотился на них, отвечая на каждый снайперский выстрел ураганным огнем минометов, артиллерии, «небельверферов» и MG. И шансов выжить в этой мясорубке у сталинградских снайперов было меньше, чем у штрафников... **НОВЫЙ** роман от автора бестселлеров «Командир штрафной роты», «Штрафник, танкист, смертник» и «Не промахнись, снайпер!»! Решающее сражение Великой Отечественной через оптический прицел! Советские снайперы против немецких Scharfschütze! Смертельные дуэли в кровавом аду Сталинграда!

© Першанин В. Н., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Першанин

Снайперы Сталинграда

Предисловие

Четверо немецких танкистов бодро шагали через поле по направлению к Волге. Был жаркий день 23 августа 1942 года. Разведывательная танковая рота шла впереди огромной бронетанковой колонны, преодолевшей за полдня путь в шестьдесят километров от Дона до Волги.

В роте закончился бензин, танки замерли в километре от реки. Самые нетерпеливые, во главе с лейтенантом, решили дойти до Волги пешком. Это была не просто река, а тот рубеж, достигнув которого, немцы могли с облегчением вздохнуть – цель достигнута.

В нескольких километрах южнее виднелся Сталинград, который бомбили сотни самолетов. Город горел, взрывы разносили высотные здания и убогие домишки, рушились заводские трубы. С такими темпами к вечеру от Сталинграда, пожалуй, ничего не останется. Настроение у танкистов было отличное, пройдены три тысячи километров, Красная Армия практически разгромлена, война приближается к победному концу.

На пути попалось арбузное поле. Танкисты, молодые парни, в расстегнутых комбинезонах, раскалывали самые крупные арбузы и с жадностью ели сочную сладкую мякоть. Арбузы, которые не понравились, со смехом пинали, разбивая на куски. Им было весело, они смеялись и швыряли друг в друга арбузными корками.

Сторож в потертых штанах и выцветшей рубашке вылез из шалаша, погрозили им кулаком и что-то крикнул. Он ни разу не видел немецкой формы и принял парней за поселковых бездельников. Хватили на жаре самогона и дурят как могут. Сторож попытался прогнать незваных гостей, но над ним лишь смеялись.

Тогда он достал из шалаша старую одностволку и несколько раз выстрелил солью и мелкой дробью, пытаясь испугать парней в черном. Кого-то обожгло солью, кто-то вскрикнул, получил мелкую дробину в ногу. А дальше началось непонятное. Все выхватили пистолеты и открыли огонь. Сторож не успел даже удивиться, откуда у шпанов столько пистолетов. В него угодили несколько пуль, и он свалился рядом со своим шалашом.

Это были первые выстрелы по врагу, которые прозвучали возле Сталинграда. Танкисты ожидали, что их встретят противотанковые пушки, ряды окопов, пулеметные гнезда. Но вместо этого начал стрельбу из древнего ружья какой-то дурковатый старик.

– Много они так навоюют, – сказал один из танкистов. – Целый день двигаемся по степи, а русские пальцем о палец не ударят. Один герой нашелся, да и тот в дырявых штанах.

Подвезли бензин, заправили технику, и солдаты 14-й дивизии подъехали к берегу. Это было в четыре часа дня, в самый разгар полуденного жара. Волга была пустынна, на левом берегу виднелась бесконечная степь. Офицеры и солдаты фотографировались на память и, рассматривая реку, поражались ее ширине. Кто-то делал торопливые записи в дневниках. Все идет как задумано: еще утром мы были на Дону а сейчас уже на Волге. Осталось лишь добить город, который полыхал огромным костром, как и многие другие города, через которые прошли германские войска.

Не торопитесь, ребята, рассуждать о победе. В горящем Сталинграде все только начинается.

Глава 1

СТАЛИНГРАД, ОКТЯБРЬ СОРОК ВТОРОГО

Позиция была не слишком удачная. От трехэтажного кирпичного дома остались лишь два угла, несколько покосившихся комнат, перекошенные выломанные рамы. Внизу громоздились куски крыши, обломки мебели, тянуло запахом тлена.

Те, кто жили в этом доме, погибли полтора месяца назад, но извлечь тела из-под многотонной груды кирпичей и балок было невозможно. Мертвых в городе хватало. Своих немцы хоронили, а погибших красноармейцев и местных жителей в лучшем случае бросали в воронки, слегка закидав разным хламом.

Андрей Ермаков лежал на полусгоревшем матрасе. Винтовка с прикрытым тряпкой затвором была готова к выстрелу. С Волги дул холодный ветер, в воздухе крутились сухие листья и пепел. Порывами налетала рыжая глинистая пыль, поэтому затвор винтовки был прикрыт куском суконки, отрезанной от старой шинели.

Андрей Ермаков хорошо видел минометчиков. Две 80-миллиметровые «трубы» были установлены в сдвоенном окопе, соединенном узким ходом сообщения. Торчали лишь концы стволов, расчеты, высунув головы в касках, о чем-то переговаривались.

Время от времени поступала команда, и какой-то из минометов делал три-четыре выстрела. Трехкилограммовые мины уходили по крутой дуге, со звоном набирая высоту. В наивысшей точке мины на секунду замирали. Вниз падали уже с другим воющим звуком, который заставлял бойцов в траншеях сжиматься в комок, со страхом гадая, пронесет ли на этот раз или звук приближается точно к твоему окопу.

Минометы не были видны из наших укреплений. Иногда выпускали в ответ мину-другую, но с боеприпасами дела обстояли туго – вели огонь лишь по видимой цели. Ермаков мог бы уже подстрелить минометчика, а может, и двух, но его целью были наблюдатели.

Немецкие минометы, установленные на закрытых позициях, не могли вести огонь вслепую. Наблюдатель и телефонист, прятаясь в доме напротив, давали координаты перспективной цели, и «чертовы» трубы не давали покоя. Тем более, боеприпасов у фрицев хватало.

Раза два Ермаков ловил в прицел наблюдателя, но немца хорошо прикрывал угол разрушенного дома. Вместе с телефонистом он также сидел на третьем разрушенном этаже и действовал осторожно. Знал, что для наблюдателя не пожалеют и тяжелых снарядов из-за Волги, а русские снайперы ведут за ними направленную охоту.

Помощник Ермакова, крепкий темноволосый боец Ларька Кузовлев, еще не привык сидеть в засаде спокойно. За три часа он уже несколько раз подползал к Андрею, пытался обсуждать, что делать дальше, и уточнял, в какой ситуации ему тоже можно стрелять.

Изнудившись от бесполезного, по его мнению, наблюдения, Кузовлев неосторожно приоткрыл к окну, наблюдая, как немцы с высот долбят из орудий по бронекатеру, идущему от острова Зайцевский к правому берегу.

Катер типа С-40, несмотря на низкую осадку и нагромождение башен и надстроек на корме, шел довольно бойко, выжимая положенные ему 18 узлов (35 километров в час). Снаряды среднего калибра поднимали многочисленные фонтаны воды, мокрого песка, но капитан С-40 со знакомым Андрею бортовым номером «Об» знал свое дело и умело выводил судно из-под огня. Ермаков шикнул на помощника:

– А ну, голову спрячь!

Если снайперскую засаду обнаружат, то хорошего не жди. Подтащат поближе легкую пушку и выкурят градом снарядов. А скорее всего подберутся огнеметчики и сожгут живьем струей шипящего пламени. Жуткая смерть.

Когда «шестерка» подошла к берегу метров на семьсот, наблюдатель оживился, видимо, получил команду. Оба миномета присоединились к артиллерийскому обстрелу. Навесной огонь не бывает точным, но миномет выигрывает скорострельностью и способен выпускать двадцать мин в минуту.

На бронекатер обрушился град разрывов. Смысла в этом обстреле было немного, мины не пробьют броню катера. Разве что при удачном попадании выведут из строя пулемет или контузят кого-либо из экипажа.

Дело было в другом. Дивизии и полки Красной Армии, защищавшие город, занимали узкую полосу берега шириной 200–300 метров. Их снабжение осуществлялось в ночное время водным путем, через Волгу, которая достигала напротив города ширины два километра.

Любое судно подвергалось немедленному обстрелу с высот (в том числе с Мамаева кургана), откуда Волга просматривалась как на ладони. Требовалось не только топить русские корабли, баржи, лодки, но и внушить морякам мысль, что попытки преодолеть Волгу хоть днем, хоть ночью смертельно опасны.

На рассвете, когда Ермаков вместе с напарником пробирался к своей позиции, орудия с холмов накрыли деревянную баржу, набитую пополнением. Баржа стала тонуть после второго попадания. Красноармейцы прыгали через борта, многие застряли в трюмах. Утром было относительно тихо, и в промежутке между взрывами слышались крики тонущих людей. Вода в Волге в начале октября уже холодает до такой степени, что редкий пловец продержится больше четверти часа.

Красноармейцы бросали оружие, каски, стаскивали с плеч вещмешки, избавлялись от поясов с подсумками. Тяжелые шинели и ботинки тянули ко дну, развязавшиеся обмотки полоскались зелеными лентами, захлестывали ноги. Почуввав добычу, бойцов добивали из пулеметов, непрерывно сыпались мины. Оглушенные, растерянные, люди исчезали в темной воде. Несколько человек сумели поймать спасательные круги, цеплялись за обломки досок, но их расстреливали, как в тире.

Человек десять вынесло течением на песчаную косу. Кто-то лихорадочно копал укрытие, другие прятались в воде, но заскучавшие за ночь немцы полосовали из пулеметов стометровый клочок суши вдоль и поперек. У кого-то из бойцов не выдерживали нервы, они метались по островку и падали один за другим, скошенные очередями.

Но двое-трое, наиболее собранные и хладнокровные, выкопали под огнем ямы в песке и замерли. Если нервы выдержат до вечера, то их подберут снующие по ночам взад-вперед веселые лодки.

Возможно, немецкий наблюдатель ожидал повторения утренней удачи и приподнялся, чтобы лучше видеть, как топят упрямый бронекатер. Над краем кирпичной стены торчала голова в каске и верхняя часть туловища. Наверняка немец чувствовал себя в безопасности под грохот десятков стволов, а молчание русских придавало еще больше уверенности.

Пуля, вылетевшая из ствола трехлинейки со скоростью девятьсот метров в секунду, попала наблюдателю под левую ключицу и, наискось прошив тело, вышла под правой лопаткой. Звук выстрела немец услышал с запозданием, пытаясь удержаться пальцами за выступы кирпича.

Телефонист бросился к своему товарищу, подхватил его под мышки, собираясь осторожно опустить на пол. Андрей двинул затвором, выбрасывая стреляную гильзу, и снова нажал на спуск. Телефонист, вскрикнув, отпустил тело наблюдателя и зажал ладонями нижнюю челюсть, которую раздробила пуля.

Он стоял неподвижно, оцепенев от болевого шока, и Ермаков мог бы его добить. Но зная по опыту, как опасны эти вторые и третьи выстрелы с одной и той же позиции, он поднялся и позвал напарника:

– Ларька, уходим!

Но Ларион Кузовлев уже нажимал на спуск, целясь в минометчиков. Он запоздал. Головы в касках мгновенно исчезли в укрытии после выстрелов Ермакова. 19-летний колхозник из деревни Логиновка, увидев, как метко бьет Ермаков, решил тоже отличиться, забыв все наставления.

Он промазал. Пуля подняла фонтанчик кирпичной крошки, а Ларька, рыча от злости, дергал затвор, собираясь выстрелить еще раз. У Кузовлева за первый год войны пропали без вести отец и старший брат. Наверное, сгинули. Ларька рвался за них отомстить.

Ермаков залепил ему затрепину и потащил вниз по лестнице. Это был самый опасный, простреливаемый участок. Андрей намеревался его преодолеть сразу же после выстрела. Но неожиданная задержка – ненужная стрельба упрямого помощника отняла минуту, которая могла стать для них последней.

Пулеметчики в дальнем окопе развернули свой МГ-34 и ударили по лестничному пролету. Веер пуль откалывал куски кирпича, обрушил пласт штукатурки. Ширкнуло по бетонной ступеньке, сплюснутая пуля, от ricochet от стены, ударила Андрея в бедро. Высунулись из окопов минометчики и стреляли наугад из карабинов в облако известковой и кирпичной пыли.

Ермаков отчетливо услышал удар пули. Помощник присел и, схватившись за локоть, застонал от боли. Андрей тащил его прочь. От прицельного огня их защищала пыль.

Молодой немецкий офицер, в куртке с многочисленными нашивками, встал в проеме. С пояса дал несколько точных очередей, приближая дорожку разрывных пуль к мелькавшим среди развалин русским снайперам.

Их спас ротный «максим», открывший ответный огонь. Офицер брезгливо стряхнул крошки кирпича с плеча и шагнул за проем стены. Не слишком спеша, но и не медля, зная хорошую прицельность неуклюжего русского пулемета. Ермаков и Кузовлев, пробежав метров сто, нырнули в проем между сваленным чугунным забором и сломанным тополем.

Тополь в Сталинграде растут высокие, метров по двадцать и больше. Но древесина у них хрупкая, и взрывная волна или попадание снаряда ломает дерево толщиной в два обхвата, как спичку. Это место Андрей уже использовал в качестве засады. Однако нагромождение бетонных столбов забора, чугунных прутьев и ворох ломаных ветвей невольно привлекали внимание.

От таких мест лучше держаться подальше, выбирать что-то более неприметное. Тополь уже жгли из огнемета, ветки наполовину выгорели и обуглились, под ногами хрустели угли. Устроившись под бетонным столбом, Ермаков попытался снять с напарника телогрейку. Тот закричал и отполз на пару шагов:

– Больно! Рука, наверное, оторвана, – жаловался Ларька.

Рукав телогрейки был насквозь пропитан кровью. Андрей отрезал рукав по шву и стал тянуть от плеча. Кузовлев снова закричал, а от ближнего дома резанула одна и другая пулеметная очередь.

– Терпи, – шептал Ермаков. – Сейчас мины запустят, и конец нам из-за твоей дури.

Как в воду глядел. Пулемет отработал еще несколько очередей, а затем полетели мины. Обычно за снайперами охотились настойчиво, не жалея боеприпасов. И сейчас рванули сразу пять-шесть мин. Немцы не успели разглядеть, куда нырнули русские снайперы, и не спеша обрабатывали подозрительные места.

Несколько мин и пулеметных очередей всадили в завалившуюся трансформаторную будку. Мина выбила растрескавшуюся кирпичную кладку у двери. Кусок стены отвалился вместе с металлической дверью.

Внутри лежали тела наших бойцов. Отчетливо виднелись бурые повязки. Сюда санитары приносили раненых, чтобы потом забрать. Но в ожесточенных сентябрьских боях, когда немцы объявили, что Сталинград взят, наши роты и взводы гибли порой до последнего человека.

Об этих раненых уже некому было позаботиться. Так они и остались в трансформаторной будке, в рваных окровавленных гимнастерках, распухшие, с лицами и кистями рук, объединенными крысами. Лежали они здесь давно, ветер разносил запах гниющего мяса.

Не обращая внимания на падающие мины и стоны напарника, Ермаков стащил изломаченный рукав. Пуля пробила предплечье, сантиметров на пять ниже локтевого сустава. Из выходного отверстия торчали осколки костей. Тяжелая, нехорошая рана. Сейчас Ларька еще крепится, а через час-два ослабеет, вряд ли сможет идти.

На перевязку ушли оба индивидуальных пакета. Шину Андрей смастерил из двух небольших веток и примотал руку к груди.

– Разрывная пуля-то? – спросил Ларька.

– Нет, обычная. Но кость перебита, надо быстрее к своим выбираться.

– Как думаешь, отрежут руку или нет?

– Не должны бы. Рану я обработал, перевязал. Загипсуют в санбате и ночью на тот берег отправят.

– Если отрежут, я плакать не буду. Люди и с одной рукой живут, не бедствуют. Выучусь на счетовода, буду в тепле сидеть. Заслужил, правда ведь?

Кузовлев говорил возбужденно, глотая окончания слов. Лицо покрылось каплями пота, тело тряслось. Надо как можно быстрее уходить, но до темноты вряд ли получится. Ларька ползти не может, а к вечеру ноги окончательно откажут.

– Женюсь, – рассуждал Кузовлев. – Я инвалид войны, можно сказать, в героическом бою пострадал, пенсия положена. Может, медалью наградят? Мы ведь двух фрицев шлепнули, так ведь, Андрюха?

– Может, и наградят, – согласился Ермаков и приложил ладонь ко лбу напарника.

Лоб был горячий, а капли пота, стекающие по щекам, – холодные. Бредит парень... до вечера может и не дожить. Как бы крепко ни бинтовал руку, а кровь продолжает сочиться – черная, густая.

Снова упали несколько мин. Одна врезалась в столб ограды, брызнули куски бетона. Взрыв ударил по ушам с такой силой, что на несколько минут Андрей оглох. Напарник открывал и закрывал рот, однако слов Ермаков не слышал:

– Помолчи... фрицы под боком.

Но Кузовлев не замолчал. Продолжал возбужденно говорить, а потом как-то сник, свесив голову на грудь. Пульс прощупывался, видимо, потерял сознание.

– Ларька, терпи. Через час двинем к своим. Глянь, темнеет уже.

Только стемнеет еще не скоро. Да и не бывает здесь темноты. Наши и немецкие позиции сходятся порой до расстояния полусотни метров, непрерывно взлетают ракеты (в основном, немецкие), продолжают гореть дома и всевозможные постройки.

Ермаков прикидывал направление, по которому можно добраться до своей траншеи. Расстояние всего ничего, метров сто двадцать. Но по прямой в разрушенном до основания Сталинграде не ходят. Перебегают от одного укрытия к другому осторожно переползают открытые места, медленно пробираются вдоль уцелевших стен.

Но и в этом осторожном движении нет гарантии, что ты доберешься живым до нужного места. Сплошной линии обороны нет. Где-то прорвался вперед немецкий взвод и удерживает развалины дома. В другом месте упорно держатся наши, отвоевав стометровый кусок берега, каменный забор и остатки небольшого завода.

– Ларька, очухивайся, сейчас двинем.

– Куда? – тарачил на него подернутые мутью глаза Илларион Кузовлев.

Хороший простой парень, вышедший на «охоту» с Ермаковым всего во второй раз. Решил, что постиг все премудрости снайперской стрельбы и нарвался на пулю.

Темнота все же понемногу подступала. Багровые облака на горизонте наплыли на заходящее солнце, размывая в вечерней полутьме силуэты разрушенных домов, деревья с обрубленными ветками. Трансформаторная будка с мертвыми телами бойцов слилась с остальными развалинами. Ермаков сумел поднять вялого, обвисающего на руках напарника, и вытащил его из укрытия.

Кузовлев кое-как передвигал ноги и даже оживился, когда Андрей сообщил, что до траншеи осталось шагов семьдесят.

– Три минуты ходьбы, держись.

– Вижу, – бормотал Ларька. – Держусь.

В этот момент произошло неожиданное. Верхушка тополя, где они прятались последние часы, вспыхнула с характерным шипящим звуком – так действует огнемет. Пламя взметнулось вверх, мгновенно осветив участок асфальта, на котором стояли Ермаков и Кузовлев.

Со стороны утонувших в темноте домов потянулась разноцветная цепочка трассеров. Андрей повалился лицом вниз, прижимая к себе Ларьку. Но пулеметчик на таком расстоянии промахнуться не мог. Отчетливо прозвучали шлепки пуль о человеческую плоть, а Кузовлев дернулся с такой силой, что вырвался из рук Ермакова.

Трасса хлестнула по уцелевшему участку асфальта, выбила искрящуюся дорожку. Одна из пуль ударила в ложе винтовки, ствол громыхнул о камни. К пулеметчику присоединились другие стрелки. Вели огонь и с нашей стороны.

При свете ракет Андрей увидел широко раскрытые глаза напарника. Тот был мертв. Ермаков полз, волоча в левой руке разбитую винтовку. Немного передохнул в глубокой воронке, а затем, пригнувшись, добежал до траншеи и перекатился через бруствер.

Трясущимися руками вертел и никак не мог свернуть самокрутку. Ему помогли, прикурили и молча ждали, пока он жадно затягивается махорочным дымом.

– Убили Ларьку? – спросил Никита Вереютин, пожилой мужик, земляк погибшего помощника.

– Убили.

– Жалко парня. Отец, брат сгинули, а теперь вот на Лариона похоронка придет.

– Дети в семье еще есть? – поинтересовался кто-то.

– Парнишка лет шестнадцати и мелкота, двое или трое. Парня не сегодня завтра тоже призовут, а матери одной мучиться. Вот ведь горе...

Вереютин был добродушный, семейный мужик, любил поговорить. Его перебил Антон Глухов, командир отделения, в котором числился Ермаков. С Антоном они были друзьями. Впрочем, какие там командиры и подчиненные, если отделения числятся только на бумаге, а во взводе осталось человек двенадцать.

– Ты сам как? Не задело?

– Я – ничего, – вдавливая окурок во влажную глину, улыбнулся Андрей. – Правда, пуля рикошетом в бедро угодила, распухло в этом месте и болит, сволочь.

– Героев всегда в задницу бьют, – провозгласил мелкий шустрый красноармеец Максим Быков.

По имени-фамилии его называли редко, а прозвище Брыня получил из-за присказки, которую часто подпевал крикливым тонким голосом: «Эх, брыня-брыня, балалайка...»

Возле кучки бойцов остановился старшина Якобчук и приказал Ермакову:

– Шагай к ротному. Знаешь ведь порядок, ему отчет в батальоны готовить.

Немцы запустили очередь из крупнокалиберного пулемета. Гулкую, словно молотили в пустое ведро. Те, кто сидели повыше, мгновенно нырнули на дно траншеи. Такой пулемет – штука серьезная. Пробьет и бруствер, и башку вместе с каской, если не успеешь спрятаться.

Старшина Якобчук, присевший быстрее других, выждал минуту и, поднимаясь, поторопил Ермакова:

– Иди-иди, хватит прохлаждаться.

Андрей не любил старшину. За высокомерие, привычку покрикивать на бойцов, за объемистое брюхо, перепоясанное кожаным командирским ремнем. В другое время огрызнулся бы. Но события бесконечно долгого тяжелого дня, смерть напарника, боль в опухшей мышце бедра настолько утомили его, что Андрей молча поднялся и захромал к ротной землянке.

Винтовку, перебитую в ложе пополам, нес под мышкой. Как эти обломки на плечо повешишь?

– Сколько сегодня? – спросил Вереютин.

– Двоих. Наблюдателя и телефониста.

– Молодец, паря. На медаль уже заработал.

– Куда уж молодец, – буркнул кто-то из ближней ячейки. – Он медаль зарабатывает, а фрицы минами нас награждают. Одного всмятку размазало, а другого осколками посеколо. Да еще Лариошку неизвестно где оставил.

В ротном блиндаже сидели несколько человек. Санитарка Зоя Кузнецова жарила картошку на небольшой чугунной печке. Командир роты, старший лейтенант Орлов, сидел на табуретке в накинута на плечи овчинной безрукавке, подвинув ноги ближе к теплу.

– Что за дрова принес? – показал он пальцем на половинки винтовки.

– Перебило пульей.

– Ну и нечего всякий хлам тащить.

Юрий Семенович Орлов лицемерил. Любимец комбата, всегда подтянутый, молодецватый, перетянутый португеей, с кожаной кобурой, не давал спуска, если видел бойца без оружия.

– Да я закурить отошел, – оправдывался красноармеец, – а винтовка вон, в ячейке стоит. И штык примкнут.

– Фашист на тебя набежит, ты его окурком в глаз. Так, что ли, получается? – добродушно улыбался Орлов и, меняя тон, спрашивал сам себя: – Откуда такие недоумки берутся? До фрицев сотня шагов, а он на оружие наплевал. Цигарку в рот сунул и доволен. Сунь туда еще что-нибудь!

Старшина Якобчук сдержанно усмехался в густые светлые усы. Товарищ старший лейтенант, если что скажет, то всегда в цель. И сейчас усмехнулся шутке насчет обломков винтовки. Хотя знал: приди Андрей вообще без оружия – нравоучения было бы не избежать.

Не жалует ротный Ермакова. Может, слишком грамотным считает. Не желает тот перед Орловым прогибаться. В ответ на подковырку может и огрызнуться, чего мало кто себе позволяет. Юрий Семенович Орлов себя крепко уважает и никаких прекословий не терпит.

– Ну что, Андрюха, поздравить можно? – спросил командир первого взвода Василий Палеха. – Наблюдателя прихлопнул и телефониста за компанию.

Первое слово обычно принадлежало Орлову. Но Палеха, давно переросший свое лейтенантское звание, воевал еще в двадцатом году в Крыму. По слухам, дослужился до командира батальона, но во время очередной партийной чистки был из армии уволен и вновь призван с началом войны.

Орлов поморщился, но стерпел. Палеха, хоть и спокойный по характеру, даже несколько медлительный, но свяжись с ним – тот за ответом в карман тоже не полезет. Подковырнет так, что даже дура Зойка захихикает.

– Молодец, что наблюдателя снял, – одобрил действия снайпера Орлов. – Опытный был сволочь, но попался-таки на мушку.

– Вы и телефониста не забудьте записать, товарищ старший лейтенант, – напомнил Ермаков. – Вроде пустяк, а одним фашистом меньше.

Может, и не стал бы напоминать, но по счету уничтоженных врагов телефонист числился десятым. А за десять убитых фрицев полагается медаль. Да бог с ней, с медалью, хотя и приятно. Дело в другом. Орлов, с его командирскими замашками, записывал Ермакову далеко не всех уничтоженных немцев, зато в донесениях в штаб батальона включать их не забывал.

Любому начальнику хочется показать, что его люди воюют, а не отсиживаются в окопах. Кроме того, в условиях городских боев, в лабиринте развалин, снайперские выстрелы уже начали приносить ощутимые потери врагу.

Красная Армия уступала немцам в авиации, на прибрежной полосе не было танков, а из артиллерии имелось лишь небольшое количество легких пушек. Зато имелось в достатке решительных и метких бойцов, которые каждый день выходили на «охоту». Возмущенные выстрелами из укрытий, подземных труб, немцы называли такую войну «нечестной».

Быстро забыли 23 августа, когда бомбили город, не выбирая военных объектов, и за день погибли 40 тысяч мирных жителей. Теперь, завязнув среди руин домов, разрушенных заводов, они несли потери от выстрелов обычных трехлинеек и остерегались лишний раз высовываться.

Винтовок с оптикой было мало. Слово «снайпер» в первые октябрьские дни еще не означало стрелка со специальным оружием, но снайперская охота невиданно быстро получила распространение именно в Сталинграде.

Командиры полков и дивизий всячески поддерживали метких стрелков. Именно они среди пехотинцев получали в тот период первые медали и ордена за уничтоженных фашистов. И счет этот быстро рос. Конечно, командир роты Орлов включит убитого телефониста в сводку, но подразнить людей он любил и перевел разговор с Ермаковым на другую тему.

– Что же ты раненого товарища не вынес? – с отеческим укором покачал головой Орлов. – Разведчики вон даже погибших своих выносят с риском для жизни. Вот это бойцы!

Это было сказано явно в пику Ермакову, которого орденосеиц Орлов к отважным бойцам не причислял. Жизни разведчиков ротный не знал. У них тоже возникали ситуации, когда едва уносили собственные ноги и лишь потом начинали считать оставшихся.

– В товарища как минимум четыре пули угодили, – угрюмо отозвался Ермаков, по-прежнему стоя навтыжку перед командиром роты.

Высокого роста, метр восемьдесят с лишним, Андрей упирался головой в низкий закопченный потолок блиндажа и невольно сутулился.

– Да посади ты его, – не выдержал Палеха. – Парень целый день в засаде провел, едва живым выбрался, а ты его по стойке «смирно» держишь.

– Садись, – разрешил Орлов, но от темы не уклонялся. – Ты что, Ермаков, врач-хирург, что в темноте мертвого от живого с ходу отличаешь? Легче, конечно, было обломки винтовки унести, чем раненого товарища на горбу под пулями тащить.

– Слушай, Юрий Семенович, ну, хватит, – поморщился Палеха.

При этих словах старшина Якобчук покачал головой и неопределенно хмыкнул, осуждая взводного Палеху, который лезет спорить с ротным. Командир второго взвода, «шестимесячный» младший лейтенант Шабанов права голоса не имел, но к Орлову не подлипался.

Подал голос парторг роты, старший сержант Юткин.

– Бросить раненого товарища – ЧП, и Андрей бы никогда такого не сделал. Боец он достойный, бьет фрицев по-гвардейски.

Получалось, что большинство из ротной верхушки поддерживали рядового Ермакова, хоть и не спорили с Орловым. Итог разборкам подвела Зоя Кузнецова:

– Картошка готова, уже зажаривается. Бросить еще банку тушенки? Чего там одна жестянка на пятерых!

– Иди, Ермаков, – четко выговаривая слова, сказал ротный, а на санитарку почти закричал: – Одной банки хватит. Поняла или нет? Поняла?

– Да пошли вы все, – тихо пробурчала Зоя.

Ермаков вышел. Следом поднялся Палеха:

– Я тоже пойду, командир. Позиция у меня на отшибе: что там произойти может – один черт знает.

От стеснения хотел уйти молодняк Шабанов, но Орлов значительно произнес:

– Мы – один коллектив, одна рота. И ужинать вместе будем. А кому необходимо, пусть идет по своим делам.

Последние слова относились, конечно, к Палехе, которого едва не назначили ротным, но в последний момент вспомнили старые грехи и оставили командовать взводом.

Тушенка растворилась крошечными волокнами в большой закопченной сковородке. Старшина Трофим Исаевич Якобчук сразу смекнул ситуацию, достал из заглазника бутылку разбавленного спирта и кусок сала-шпик в замасленной газете. Зоя, неприязненно относившаяся к старшине, бросила на самодельный стол два небольших кусочка масла и печенье – командирский паек.

– Ты чем недовольна, Зойка? – попытался обнять ее Орлов.

– Всем довольна. Особенно когда ты воду в ступе толочь начинаешь. Парень целый день в засаде мерз, двоих фрицев прибил, а ты тут умничаешь, начальника из себя строишь.

– Че-его? – вскинулся было ротный, но Зоя сразу осадила его.

– Ничего. Ночью объясню. Наливайте, что ли.

Женщин на правом берегу было совсем немного.

Да и те находились при штабах. Ротная санитарка – большая редкость. Кому охота каждый день под обстрелом находиться? Зоя без труда перевелась бы в полковую санчасть, но Орлов ей был небезразличен. Хотя за последние дни она находила в нем все новые неприятные черты: высокомерие, эту дурацкую самовлюбленность. Молодой, а уже командует ротой, недавно орденом наградили, в звании повысили. Вот и не опомнится никак от успехов.

После третьей стопки Орлов благодушно заметил, обращаясь к парторгу:

– Ты, Петр Данилыч, приготовь завтра представление на Ермакова. Хоть боец так себе, – ротный неопределенно повертел пальцами, – но хоть какие-то результаты дает.

– Что-то дает, – согласился Юткин. – На «Отвагу» представление подготовить?

– С него достаточно «Боевых заслуг». А то загордится.

Парторг и старшина согласно кивнули, а оголодавший за последние дни младший лейтенант Шабанов подтянул поближе ломоть хлеба и зачерпнул картошки.

– И сало бери, не стесняйся, – проявил заботу Орлов. – Здесь все свои. Исаич, наливай еще.

Спустя какое-то время закурили. Старшина поучал младшего лейтенанта:

– Ты Юрия Семеновича держись. Он в авторитете. Не сегодня завтра могут на батальон поставить. А своих людей он не забывает.

Старшина умолчал лишь о том, что «своих людей» у Орлова почти нет. Парторг Юткин смотрит ему в рот, боясь, что его снова пошлют в окопы. Старый вояка Палеха ротного всерьез не принимал и сдерживал себя лишь потому, что заботился о дисциплине в роте. Третьим взводом временно командовал сержант, который больше молчал и держался особняком.

Вот такая обстановка складывалась среди командирского состава восьмой роты. Но, несмотря на мелкие дразги, Орлов людей держал, заботился о снабжении и не отсиживался в своем блиндаже.

Ночью поступило пополнение, пятнадцать человек. Распределили поровну, по всем трем взводам. В основном молодняк, лет по восемнадцать, и трое-четверо постарше, возрастом за тридцать. Принесли на горбу несколько ящиков патронов и гранат.

– Ну как тут у вас? – спросил светловолосый парень в затрепанной шинели, третьего срока носки.

– Шинель на свалке подобрал? – поддели его.

– Какую уж дали. Да и вы здесь не в парадном ходите.

Измазанные в глине, продымленные бойцы восьмой роты словно вылезли из коптильни. Два дня назад горели баки с нефтью, и маслянистые черные клубы хорошо обдули траншею. В городе тоже не утихали пожары.

– Ничего, скоро сам такой будешь, – ободрили парня.

– Неужели весь город разрушили? – спросил другой новичок.

– Утром увидишь.

Немцы, как всегда, угадывали прибытие пополнения. Из темноты октябрьской ночи, завывая, посыпались мины. Ударили два пулемета. После одного из разрывов раздался сдавленный крик.

Тяжело раненный боец кое-как ворочался и хрипел. Когда сняли шинель и задрали гимнастерку, увидели, что грудь и живот пробиты осколками. Пока пытались наложить повязку, парень истек кровью. Прибывших удивило, что с мертвого сразу сняли ботинки, обмотки. Старшина осмотрел шинель, гимнастерку, сплошь издырявленные осколками и пропитанные кровью, махнул рукой:

– Хороните так. Шапку подберите.

– А где хоронят? – спросил кто-то из прибывших.

– Вон, под берегом. Понюхай лучше – угадаешь.

Другой новобранец разглядывал при свете ракет лужу крови, мелкие ошметки чего-то красного, клочки шинели, винтовку с расщепленным прикладом.

– Чего застыл? – спросил сержант. – Теперь здесь твоя ячейка. Соскреби кровь, выбрось за бруствер. Винтовку утром проверим, может, приклад починим.

Увидев, что боец мнется возле красного комка, сержант поднял оторванную кисть руки с двумя пальцами и швырнул далеко за бруствер.

– Привыкай, паря. И голову не высывай.

Утром Ермаков едва встал. На ноге, между коленным суставом и бедром, напух огромный синяк. Пришла Зоя, осторожно помяла кожу вокруг, смазала зеленкой и достала пачку папирос. Курили, глядя на голубую, как летом, Волгу.

Стояло бабье лето. День был теплый, безветренный, вода отражала голубое небо. Где-то далеко, над поймой, носилось несколько истребителей. Изредка слышался стук пулеметов и авиационных пушек. Один из самолетов пошел резко вниз, раскручивая спираль. Огромная скорость падения ощущалась даже за несколько километров.

– Так крутит, что из кабины не вылезешь, – сказала Зоя. И добавила, когда раздался глухой взрыв: – Отлетелся сокол.

– Может, это фриц?

– Может, но навряд ли. Сколько видела, больше наши падают.

Докурили папиросы, помолчали, затем Зоя сообщила:

– Тебя, Андрюха, на медаль представили.

– На такую же, как у тебя?

Санитарка невольно скосила глаз на медаль «За боевые заслуги», видневшуюся сквозь расстегнутую шинель.

– Угадал. Как вы ее называете, когда девок ею награждают? За половые услуги? Но я не только за услуги получила. Шестнадцать раненых с поля боя вынесла, когда бои за город начались. И осколок там же словила. Глянь.

Санитарка, не смущаясь, задрала юбку и показала еще не заживший шрам примерно на том же месте, куда угодила пуля Андрею. Он невольно отвел глаза, а Зоя рассмеялась.

Была она среднего роста, со скуластым лицом и вздернутым носом. Красивой назвать ее трудно, но что-то привлекательное есть. Не зря поспешно отвернулся Андрей от молочно-белых ног. Война, каждую минуту убить могут, а жизнь продолжается. И женщины по-прежнему возбуждают.

– Ермакова к командиру роты! – козырнул низкорослый боец, исполнявший обязанности посыльного.

– Не кричи, слышим.

Андрей поднялся. Зоя протянула ладонь.

– Помоги подняться, кавалер. Мне тоже идти надо.

Когда помогал санитарке встать, почувствовал, как ногти сжали его широкую ладонь сильнее, чем требовалось.

– Ну, удачи тебе, – откровенно улыбалась Зоя.

По каким-то правилам снайперам после засады полагается полдня или день отдыха. Ермаков числился рядовым бойцом первого взвода, а официальных, «ученых», снайперов в полку было всего двое.

Иногда они появляются на участке роты, оба в маскировочных халатах, винтовки с оптикой, а вместо ботинок с обмотками, которые поголовно носят бойцы, твердо вышагивают в крепких кирзачах. На рядовых внимания не обращают, ведут разговоры с командирами рот. Реже со взводными.

Располагаются по-хозяйски в каком-нибудь укромном месте и гонят подальше любопытных. Эту парочку в восьмой роте не любят. Позиции они занимают на линии траншей, вперед не выдвигаются. Может, и нет в этом необходимости, до фрицев расстояние небольшое, без оптики все видно.

Но близость снайперской засады чревата опасностью. После удачного выстрела немцы всегда отвечают огнем. Чаще всего минометным, от которого трудно укрыться. Снайперы давно уползли на свою базу (то бишь, в штаб), докладывать об успехах, а бойцы, вжимаясь в дно окопов, слушают тягучий звон очередной мины. Пронесет не пронесет?

Неплохое укрытие – «лисий норы». Ниши, выкопанные под передней стенкой окопа. Но это укрытие спасает только от мелких 50-миллиметровых мин. Если в окоп влетает увесистая трехкилограммовка из 80-миллиметрового миномета, то остаться невредимым трудно.

Осколки хоть и застревают в земле, но взрывная волна глушит человека как обухом, едва не вбивая в глинистую стенку. После такого взрыва бойцы выползают, как очумелые, из носа и ушей течет кровь. Некоторые так и остаются в хитрой норе, если сильный удар ломает шею.

Орлов встретил Андрея, широко улыбаясь. Сообщил, что представление на медаль уже отправлено в штаб полка и через день-два боец Ермаков получит заслуженную награду.

– Ну, чего молчишь? – выждал минуту ротный. – Поздравляю.

И протянул узкую ладошку. Андрей ответил крепким рукопожатием. Давил не сильно, потому что после пяти лет работы на лесопилке мышцы окрепли, как после долгих спортивных занятий.

Но Орлов без фокусов не мог. Начал трясти ладонью, со смехом заохал:

– Такими лапищами ты своего командира из строя можешь вывести.

Странно и как-то не к месту прозвучало слово «свой». Да, Орлов командир его роты, но до «своего» ему еще далеко. Это не взводный Василий Васильевич Палеха, который каждого бойца по имени-отчеству знает, сколько детей в семье и кто ждет его на родине.

– Крепкие у нас ребята, – поддакнул парторг Юткин, который постоянно торчал в землянке ротного.

А ведь числится обычным красноармейцем, должен с винтовкой находиться в окопе, а он читает газеты, прихлебывает крепкий чай, приготовленный посыльным, и ведет задушевные беседы с бойцами, которые по разным делам появляются в ротном блиндаже.

– Слушай, Андрюха, – окончательно перешел на товарищеский тон старший лейтенант. – У нас сегодня неприятность вышла. Уж такая неприятность...

Орлов печально качнул головой. И парторг, оставив кружку с чаем (ведро за день выпивает!), тоже закивал, изобразив глубокую озабоченность. Оказалось, рано утром батальон посетил комиссар полка Щеглов. Проявляя заботу о личном составе, приказал общую побудку не устраивать.

– Мы сами потихоньку посмотрим что к чему.

Какое там «потихоньку»! С ним заявила целая делегация: помощник по комсомолу, агитатор полка, трое автоматчиков из комендантского взвода, командир и комиссар батальона. Набрались еще прихлебатели, нужные и ненужные. Конечно, взяли с собой ротного Орлова и парторга Юткина.

Комбат Логунов, оглядев толпу, вздохнул:

– Тут до немцев всего ничего. Может, втроем сходим, товарищ комиссар? Орлов дорогу покажет.

– Все пойдем, – решительно заявил Щеглов. – С соблюдением маскировки, конечно.

Причина визита высокого начальства была следующая. Рота Орлова, как и многие другие подразделения, из-за нехватки людей сильно растянулась по флангу. Этим в штабе полка, а тем более дивизии, никого не удивить.

Но за сутки до этого немцы, предприняв настойчивую атаку и буквально завалив траншею соседнего полка тяжелыми снарядами, прорвались к Волге. Их кое-как оттеснили, но полностью отбить захваченные позиции не смогли. Теперь по катерам и баржам, снующим ночами по реке, били даже из автоматов.

– Просрали красные Сталинград, – доходчиво рассуждали отважные солдаты 6-й армии Паулюса и затягивали сразу в несколько голосов: «Вольга, Вольта, мать родная, Вольга русская река...».

Пели немцы музыкально и бодро, наши отвечали руганью и выстрелами из винтовок. Отсчитывали разрешенное количество очередей ближние пулеметы, а фрицы манили бойцов в атаку:

– Вперед! Чего сидите? Мы уже пулеметы приготовили.

Красноармейцы смотрели на десятки трупов, устилавших берег, и переругивались от злости. Хотелось жрать, кончалось курево, раненые мучились в окопах до темноты. Эвакуировали их только ночью.

Подобный прорыв может случиться и на правом фланге восьмой роты. Взвод лейтенанта Палехи удерживал участок, рядом с которым тянулся к Волге небольшой овраг, поросший ивняком и скрученными, как веревки, обгоревшими вязами. По дну струился грязный ручей, и густо несло трупным духом.

Проблема состояла не только в малочисленности личного состава, но и в том, что овраг находился в стыке с седьмой ротой. Склоны были более-менее укреплены, но лезть в болотистую низину никому не хотелось. Считалось, что дно оврага надежно прикрыто со склонов.

Овраг и подходы к нему были утыканы минами, но долго ли отделению саперов расчистить проход? Одной ночи хватит. А перед рассветом внезапная атака, и вот он, песчаный берег реки в руках у немцев. Рой укрепления или пользуйся русскими окопами и ставь на прямую наводку минометы, «машингеверы», а кое-где и легкие пушки.

Корабли у русских, в основном, деревянные. Половина речного флота – бывшие рыбацкие сейнеры да баркасы, которые можно топить даже пулеметами. Займут фрицы овраг, втро-

ются в склоны – и вот он плацдарм для следующего удара. Не говоря уже об утерянном очередном участке для переправы. Батальон Логунова занимал этот невыгодный со всех сторон рубеж не от хорошей жизни.

Выше по склону пытались зацепиться за разваленный толстостенный железнодорожный барак, но удержаться сумели там недолго. Немцы обрушили вначале пикирующие бомбардировщики, затем подогнали три танка, в том числе один огнеметный, и выжгли русских из развалин, несмотря на отчаянное сопротивление.

Василий Васильевич Палеха, смуглый, чем-то похожий на грека, перед начальством не гнулся. Доложил, что взвод ведет наблюдение, насчитывает семнадцать человек. На вооружении, кроме винтовок, имеются три ручных пулемета. Боеприпасы по норме, и даже сверх того.

– Станкового пулемета нет?

– Нет. Разбили «максимку».

Палеха вздохнул с такой печалью, что помощник по комсомолу, не выдержав, хихикнул.

– Тебе что, цирк тут? – обернулся к нему комиссар. – Здесь люди насмерть стоят. Противотанковые ружья имеются?

– Никак нет, отсутствуют, – бодро отозвался пожилой лейтенант Палеха.

– И людей у тебя маловато. Сегодня обязательно пополнение пришло. Человек восемьдесят, а может, и больше наскребу.

Василий Васильевич промолчал. Долгая служба в Гражданскую и после нее научила его не слишком доверять обещаниям начальства.

– Станкач тебе нужен и противотанковое ружье.

– Неплохо бы.

– Автоматов сколько в наличии?

– Целых три.

– Шутник ты, лейтенант, – добродушно погрозил пальцем комиссар полка. – Наверное, из-за своих шуток до седых волос в лейтенантах ходишь. А тебе уже майорские «шпалы» пора носить. Сколько годков исполнилось? Небось сорок уже?

– Сорок четыре, – гордо вскинул свой греческий профиль Василий Васильевич Палеха, который командовал батальоном еще в двадцать восьмом году.

Щеглов смутился. Он был на одиннадцать лет моложе взводного.

– Автоматов тоже подброшу, – машинально пообещал комиссар.

– Спасибо. Лучше людей пришлите. Хотя бы пяток.

Палеха знал, что если обещают много, то можно вообще ничего не получить. Кроме того, будучи хозяйственным командиром, он хранил три немецких автомата, а один из ручных пулеметов был также немецкий, надежный МГ-34 с запасным стволом и ящиком патронов.

Беседа протекала дружелюбно. Помощник по комсомолу успел собрать несколько заявлений от бойцов с просьбой о приеме в ряды комсомольцев. Комиссар Щеглов, довольный дисциплиной, хорошим состоянием траншеи и пулеметных гнезд, уже намекнул комбату Логунову, что пора такого активного командира повысить в звании.

Комбат Григорий Матвеевич Логунов согласно кивнул, и все бы кончилось хорошо, но черт понес комиссара полка лучше осмотреть немецкие позиции.

– Вон на тот склон поднимемся, – показал он направление. – Оттуда хорошо видно.

– Не надо, товарищ полковой комиссар, – попросил Палеха. – Опасно там. Снайперы балуются, и крупнокалиберный пулемет неподалеку.

– Ну и что теперь? – значительно оглядев свое многочисленное окружение, заявил Щеглов. – На войне всегда опасно.

И зашагал вперед. Илья Харитонович Щеглов собирался понаблюдать за передним краем немецких позиций из-за вязов и кустов ивняка, которые по его мнению являлись подходящей маскировкой.

Будь Щеглов с одним или двумя сопровождающими, немцы вряд ли бы его разглядели среди густого сплетения деревьев и зарослей ивняка. Подвела многочисленная свита, толпой окружавшая комиссара. Хруст сухой травы и непонятное мелькание сразу насторожило немецких наблюдателей с их сильной оптикой.

Крупнокалиберный пулемет в подвале разрушенного дома гулко, как в пустую бочку, отстукал пристрелочную очередь. Пули пошли с завыванием.

– Ложись, – в отчаянии крикнул Палеха, но комиссар растерянно продолжал стоять с биноклем в руке, а остальные глядели на него.

Пулеметчик был опытный. Мгновенно скорректировал прицел, и следующая очередь, как косой, прошла по ивняку. Розовощекий автоматчик свалился как подкошенный, упал комиссар, остальные мгновенно бросились на землю.

Пулемет продолжал сыпать очереди. Палеха, который никогда не терялся, крикнул своему помощнику:

– Огонь из всех стволов!

Взвод дружно огрызнулся. Два «Дегтяревых» и трофейный МГ-34 скрестили трассы на амбразуре, там поднялось облачко красной кирпичной пыли.

Подхватили комиссара и потащили вниз. Щеглову повезло. Пуля калибра 13-миллиметров распоролла новую дымчатую шинель и прошла вскользь, разорвав кожу под мышкой. Шинель мгновенно стащили вместе с кителем, перевязали рану.

– В грудь угодило? – тревожно спрашивал Щеглов. – Легкое не пробито?

– Ничего опасного, Илья Харитонович, – влез пронырливый агитатор полка. – Ловко вы ихнего пулеметчика обхитрили. Он по кустам шпарит, а вы уже в укрытии.

– Ловко, – болезненно морщась, Щеглов ощупывал ноющую подмышку. – Кровь так и продолжает идти. Водка у кого-нибудь есть?

Водка, конечно, нашлась. Комиссар сделал несколько больших глотков и через силу усмехнулся. Это было его первое ранение за год войны. Щеглов не предполагал, что пули жалят так болезненно. А может, зажигательная угодила? Тогда точно, без осложнения не обойдется.

– Сейчас мы вас эвакуируем, – суетился комбат Логунов. – Все будет нормально.

– И побыстрее бы, – озабоченно торопил Палеха. – Через пару минут немец мины сыпать начнет.

– Рана, правда, не тяжелая? – тихо спросил у ротного помощник по комсомолу, проявляя положенную заботу о начальстве.

Смуглый, прокопченный за горячее лето сорок второго, взводный Палеха презрительно оглядел мордастого парня с лейтенантскими кубиками. Тебе бы как настоящему мужику воевать, а не бумажки в штабе перекладывать.

– А ты сам не видел – тяжелая или нет? – огрызнулся Василий Васильевич. – Царапина. И уносите быстрее своего генерала.

Не выдержав, крикнул вслед:

– У нас третьим взводом мальчишка-сержант командует. Не хочешь взвод принять?

Но комсомольский работник спешил не отстать от свиты и ничего не ответил.

Про бойца из комендантского взвода никто не вспомнил. В воздухе уже звенела первая мина, за ней вторая, а потом посыпались без счета. Пулеметчики Палехи знали свое дело и наверняка кого-то срезали. Возможно, попали в амбразуру. Теперь в ответ летели мины.

Палеха оборудовал просторный блиндаж под фундаментом разваленного железнодорожного склада. Взвод сидел, прислушиваясь к грохоту наверху. Мины и даже 105-миллиметровые снаряды бетонные плиты и груды кирпича не возьмут.

Хуже придется дежурным пулеметчикам, которых оставили наверху. Немцы рвутся к Волге и, пользуясь возможностью, могут предпринять атаку. Но обошлось без атаки. Зато на

одного бойца во взводе стало меньше. Мина разметала бруствер прямо над головой пулеметчика. Каску сорвало вместе с верхушкой черепа, а искореженный «Дегтярев» отбросило в угол траншеи.

– Сходите за парнем, который Щеглова охранял, и похороните вместе с нашим. Эх, хороший пулеметчик был.

– И парень душевный, – вздохнул помкомвзвода. – Приперлись толпой, как на представление!

Принесли уже застывшее тело бойца из комендантского взвода, убитого пулей в живот. Палеха бегло полистал документы, глянул на фотокарточку невесты или подруги и распорядился:

– Сапоги снимите и автомат во взводе оставьте. А документы в строевую часть перешлите и доложите, что похоронили парня как положено.

Василий Васильевич никогда не называл Щеглова по должности – «комиссар». В его памяти сохранились комиссары той давней войны. Бывшие мастеровые или солдаты Первой мировой. Они не носили английские дымчатые шинели, не таскали за собой свиту прихлебателей и окопы обходили запросто, дымя самокрутками из дрянного табака. Хотя поболтать, выпить и за бабами прихлестнуть тоже любили.

А Ермакова вызвал к себе ротный Орлов. Долго прохаживался по адресу Палехи. Говорил, что тот заелся, на позициях творится бардак, фрицы тяжелый пулемет под носом установили, а Палеха и пальцем не ведет. Вот и дождались – комиссар ранен, в госпитале лежит, едва комбата не убили, помощника по комсомолу контузило.

Имей Орлов побольше служебного опыта и дальновидности, то не затеял бы никчемный, не прибавляющий ему авторитета разговор с рядовым бойцом, обсуждая своего коллегу – командира. Но ротный уже получил резкий выговор от комбата, считал это несправедливым, и в который раз начинал брюзжать на Палеху. Но если парторг Юткин за своей обычной кружкой чая согласно поддакивал, то Ермаков хмуро заметил:

– Зачем такую толпу надо было собирать? Вот и нарвались.

– Не умничай, это не наше с тобой дело.

– Зачем меня тогда вызвали?

– Получить боевой приказ. Отправляйся к своему дружку Палехе. Организуй засаду и точными выстрелами докажи фрицам, кто на Волге хозяин. И что ты не зря к боевой медали представлен.

Слишком напыщенная речь Орлова Ермакова раздражала. Он прослужил в роте достаточно и знал взаимоотношения начальства. Комбата Логунова поддерживает комиссар Щеглов, а сам Логунов после гибели прежнего командира роты назначил на освободившуюся должность начищенного шустрого Орлова. Говорят, комиссар полка посоветовал. Хотя все ожидали, что поставят рассудительного и опытного Василия Васильевича Палеху.

Ничего удивительного. Начальство не терпит рядом с собой соперников. Поставь Палеху ротным, оценят и комбатом назначат. Мужик он сообразительный, инициативный. Но Палеху не поставят. Щеглов и раньше его не слишком жаловал, а теперь и подавно.

Комиссар воспринял случившееся как пренебрежение к себе. Сунули под огонь тяжелого пулемета (такой калибр убивает наповал или делает человека калекой!), бросили в какой-то луже, никак не могли вытащить из-под обстрела, переживая за свои шкуры.

Пережитый страх (чудом уцелел!), боль в ране вызвали стойкое раздражение, неприязнь к своей беспомощной свите. А больше всего злости вызывал смуглый пожилой взводный. Клоун чертов! Еще издевался: «Уносите, мол, быстрее своего генерала». И боевую рану в грудь назвал царапиной. Сам-то первый в кусты нырнул. Ну вот теперь и служи взводным до конца дней.

Свое настроение комиссар передал комбату, а тот, в свою очередь, отчитал Орлова. Только руганью дело не решишь, надо уничтожить этот чертов дот. В крайнем случае, перебить наглецов-пулеметчиков.

– Этот дот не всяким снарядом возьмешь, – глядя в сторону, угрюмо заметил Ермаков.

– Выбивай пулеметчиков. Одного за другим. В общем, шевелись.

– Винтовка с оптикой нужна. С вас же потом спросят, что снайпера послали со старой трехлинейкой.

– Иди, иди, – отмахнулся Орлов. – Палеха станковый пулемет получил и бутылки с горючкой. Если такой умный – сумеет все как надо организовать.

Глава 2

ПОЕДИНОК С ДОТОМ

Василий Васильевич напоил Ермакова чаем. Не настоящим, конечно, но крепким, заваренным на сухих оранжевых листьях иван-чая. Сахару тоже не было, обошлись порошком сахара. Зато ординарец принес несколько кусочков поджаренного хлеба.

Глядя, как долговязый боец пьет вторую кружку и жадно хрустит сухарями, лейтенант спросил с сочувствием:

– Не завтракал, Андрюха?

– Ночью кашей кормили. Ложек по пять досталось. Я и не разобрал, из чего она.

– Перловку разносили, – подсказал ординарец. – Только ротную порцию на весь батальон поделили. Два термоса во время обстрела утопили.

– Наши рыбы глушеной с утра набрали, – похвалился помощник командира взвода Матвей Черных. – Соменка приличного, судаков, ну и мелочи всякой. А до темноты уху не сварить. Мы дымоход метров на десять вывели – не помогает. Бьют гады на любой дым.

Выбрались наружу, присели на откос железнодорожной насыпи. В этом месте крутой обрыв оставался позади. Метрах в ста через песчаные бугорки пробивался к Волге ручей. На отмели валялись остатки разбитой смоленной лодки и лежали несколько мертвых тел, расклеванных птицами.

– Не уберешь. Рискованно, – пояснил Черных. – Место открытое, да и тела разложились. Наши оружие и документы собирали, кого-то на спину перевернуть хотели, а человек, как студень, расплзается.

Река была пустынна. Течение неторопливо несло горелые обломки, пятна нефти, иногда проплывали трупы. Тех, кого убили, прежде чем легкие заполнились водой, или разбухшие после нескольких дней пребывания на дне.

Волга к осени мелеет, появляется множество песчаных кос. Почти на каждой валялись какие-то обломки, лежали человеческие тела. Вокруг полузатопленной баржи возились мальчишки, чем-то набивали небольшие мешочки и везли добычу к берегу на автомобильных камерах.

– Баржа пшеницу везла, – рассказывал Палеха. – «Юнкере» бомбу под борт вложил, вот на косу и села. Поначалу бабы, мужики на плоскодонках мешки пытались вывозить. Им дали загрузиться, отплыть, а потом из пулеметов врезали. Почти всех побили. Одна женщина на плоту раненая лежала. Кричала, на помощь звала. Так ее и унесло вниз по течению. А мальчишек не трогают. Разрешают килограммов по пять-десять брать. Вот такая у них игра, детишек, значит, любят.

Покуриив, выползли к огромной воронке, которая разнесла насыпь, согнула рельсы и разбросала вокруг расщепленные смоленные шпалы.

– Топливо для печки хорошее, – сказал Черных, – только дымит сильно. Если ночь светлая, лучше шпалами не топить.

Пристроившись на краю воронки, наблюдали по очереди из одного бинокля. Дот, находящийся метрах в трехстах, был практически неразличим. Прямоугольное черное отверстие, наверное, было раньше вентиляционным окном. Сверху гряда кирпичей и балок.

– Глянь, место какое удобное выбрали, – показывал Палеха. – Низину под прицелом держат, ни днем, ни ночью не пролезешь. А главное, переправа здесь удобная. Только не сунешься.

В этом месте начинался остров Голодный, густо покрытый лесом и тянувшийся вниз по реке километров на тридцать. Суда, снабжавшие город, пересекали половину Волги под

прикрытием острова, а затем выходили на прямой путь к причалам правого берега. Здесь им оставалось меньше километра, да и ближе к берегу переправу прикрывал высокий обрыв.

Путь, конечно, короче, чем пересекать всю реку, но суда постоянно поджидали немецкие артиллеристы и пулеметчики, непрерывно подсвечивая осеннюю ночь ракетами.

– Хрен с ним, со Щегловым, – делился своими мыслями Василий Палеха. – За всю войну первый раз под пули попал. Ободрали бок да новую шинель продырявили. Зато наконец обратили внимание на эту ловушку. Дот ближе всего к реке стоит. Две-три ночи молчит, речники начинают успокаиваться, пробуют протоку пересечь. Фрицы одну-другую фелюгу пропустят, а ту, которая покрупнее, как когтями цепляют. Патронов не жалеют.

Андрей и сам представил, какое выгодное место занимает дот. Шестьсот-восемьсот метров не расстояние для 13-миллиметрового пулемета. Пули броню пробивают, а от деревянных сейнеров только ошметки летят. Черпанет судно воды, или в двигатель пули угодят – сразу ход теряется, а он у этих развалюх и так больше десяти узлов не бывает. Вот здесь их и добивают. Минометы подключаются, если сейнер покрупнее. Фрицы в азарте даже из автоматов сажают.

– На моих глазах, – рассказывал Палеха, – пулеметчики из дота сейнер перехватили. И не маленький, метров двадцать пять в длину. Первыми же очередями подожгли, а потом издырявили и ко дну пустили. Мы помочь пытались, а что нашими «Дегтяревыми» сделаешь, когда каждая пуля из дота пробоину с ладонь, а то и с две, выламывает.

– Сколько нам времени отпустили? – спросил Ермаков.

– Два дня. Обещали артиллерийскую поддержку с левого берега.

– Пустое дело, – отмахнулся Черных. – Выпустят с расстояния четырех километров десяток гаубичных снарядов, они на площади в гектар рассеются.

– Будем на себя, братцы, надеяться, – сказал Палеха. – Дот это мелочи, а вот у меня от сына письма полгода не приходят. Жена с ума сходит.

У Андрея тоже на душе тяжело. Братьям по пятнадцать-шестнадцать лет, может, и обойдет их война. Хотя берут уже семнадцатилетних. Кого в училище, кого «добровольцами» на фронт. В таком возрасте на что угодно уговорить можно. На двоюродного брата уже похоронка пришла. От отца, который служил в обозе, с весны ни одного письма.

Вроде в обозе безопаснее, но летом сорок второго целые армии вместе с генералами и обозами в плен попадали, а еще больше – сгинули без вести. Родину надо защищать, но больно уж эта защита кувырком летит.

Насмотрелся Андрей на поля, усеянные мертвыми телами, побывал в атаке, где комбат орал «вперед» и пулеметы выбивали цепи атакующих, как в тире. Только пыль, крики раненых, и бойцы, как оловянные солдатики, валяются.

Однажды увидели огромную колонну пленных. Это уже возле Дона было. Может, тысяча, а может, две тысячи оборванных, насквозь пропыленных бойцов. Кто, несмотря на жару, в шинели, кто – босиком, и молчаливое шлепанье тысяч ног.

Андрей решения умел принимать быстро, а тут заметался. Куда прятаться? Степь, полусгоревший хутор и речушка по колено. В одном из дворов увидел крышку погреба. Отсидимся, ребята? Может, не разглядят фрицы в бурьяне да среди горелых бревен и досок эту крышку. Ребята помялись. Двое вздохнули и пошли навстречу колонне, доставая листовки-пропуска из карманов.

А трое нырнули следом за Ермаковым в сырой темный погреб, куда проникали лишь мелкие лучики света. Просидели, пролежали на земляном полу без малого двое суток. Раньше выбраться не было возможности.

Наверху ходили, разговаривали немцы. Шарили по своей привычке, искали окруженцев, оставленное жителями барахло. Спасло ребят то, что сильный физически Андрей сумел подтянуть несколько обгорелых досок и хоть как-то замаскировать крышку.

После долгой ходьбы нестерпимо хотелось пить. Может, надо было вытерпеть, но обнаружили кадушку с осклизлыми мягкими огурцами и накинулись на них от голодухи и жажды, запивая огурцы заплесневшим рассолом.

На второй день всем четверым сделалось плохо. Соль забила гортань, нестерпимо пекло в желудке. Говорить не могли, потому что распухли языки, а губы, изъеденные солью, лопались и сочились кровью. Терпели. Хлебали остатки рассола, чтобы не задохнуться.

А когда соленая жижа кончилась, рванули из погреба напролом. Повезло, что в полустоившем хуторе остались лишь двое немцев с радиостанцией на мотоцикле. Андрей бежал к ближайшему из них. Хотел крикнуть: «Руки вверх!» или «Хенде хох!», но из сожженной солью гортани доносилось лишь мычание.

Немец, несмотря на жару, был в каске. Перехватив винтовку, Андрей сбоку ударил с такой силой, что разлетелся на куски приклад, а у радиста смяло, раскололо обе челюсти. Второй фриц успел вскинуть автомат, но на него навалились сразу трое. Одного прошило через живот длинной очередью, но двое других красноармейцев молотили фрица прикладами, думая в этот момент только о воде.

Выхлебали трехлитровую флягу, вырывая ее друг у друга. Приятеля Андрея вырвало желчью. Ермаков и другой приятель почувствовали себя лучше. Кое-как завели мотоцикл, разбили рацию и двинулись в сторону Дона. Останавливались у каждого пруда или речушки, снова пили, а ночью кончился бензин. Мотоцикл бросили, двинулись дальше пешком, но вскоре умер еще один товарищ, видимо, соль сожгла желудок.

Когда вышли к своим, проверками их долго не муржили. Оба с оружием, в том числе, с трофейным МП-40, документы убитых захватили. Все в порядке, шагайте в строй. Автомат отобрали (не положено!), зато покормили. Холодную кашу проталкивали в глотку едва не со слезами. Снова трескались, кровоточили губы, лохмотьями покрылись языки. Но это ничего. Фельдшер прописал полоскать рот содой, и вскоре раны зажили.

А тот подвал Андрею снился еще долго. Ночью перехватывало дыхание, кричал со сна, почти наяву ощущая, как соль прожигает гортань. Жадно хлебал воду из фляжки, с которой никогда не расставался, и понемногу успокаивался.

Ермаков пристрелял за насыпью полученную трехлинейку. Хорошо, если бы снайперскую винтовку выдали, но приходится воевать, чем есть. Севернее, ближе к заводу «Красный Октябрь», не стихала оружейная пальба. Над огромным облаком дыма кружили две пары «мессершмиттов», наверное, вели огонь по каким-то целям, но непрерывный гул оружейных выстрелов, взрывы снарядов перекрывали все звуки.

От каждого подразделения требовали активной обороны, атак, которые заканчивались огромными жертвами. Ничего – за долгую октябрьскую ночь подвезут новое пополнение, которое растворится в узкой полосе обороны и за сутки будет снова выбито наполовину или на две трети. Чего-чего, а людей в России хватает, а сколько их гибнет – толком никто не считает.

На Мамаевом кургане и на «Красном Октябре» дерутся бригады, полки, и в контратаках участвуют тысячи людей. Что там по сравнению с этой мясорубкой возня на узком пятачке, который обороняет рота Орлова. Андрей сжал зубы и выпустил пулю в ломаный ящик, валявшийся на косе метрах в трехстах от берега. Услышал отчетливый треск, в сторону отлетела отколота щепка. Попал. Отыскал еще несколько целей и с разного расстояния проверил прицел. Трехлинейка была точно.

Вечером, как и обещал Палеха, сварили уху. Даже картошки немного раздобыли, а вот хлеба не дождалось. Хлебали рыбный отвар, обсасывали хребты. Запили жидкую уху водой и стали ждать ужина. А Ермаков лег пораньше спать. Место для завтрашней засады он уже присмотрел. Ныл синяк на ноге, расплывшийся желто-фиолетовым пятном до колена.

– Ты ужина ждать не будешь? – спросил Василий Палеха.

– Посплю, если удастся. Нога на ночь глядя разнылась.

Лейтенант покивал, налил граммов сто водки и протянул сухарь.

– Спи. Тебе завтра свежим надо быть.

– Буду.

Сквозь сон слышал, как явились снабженцы Их долго и сварливо ругали за то, что долго добирались. Те оправдывались и предлагали желающим пересечь разок-другой Волгу. В блиндаже спокойнее прятаться. Не дослушав окончания спора, Андрей снова погрузился в сон.

Когда проснулся, солнце, поднимавшееся огромным красным шаром за спиной, высвечивало безобразную картину всеобщего разрушения: закопченные скелеты домов, выгоревший поселок на горе, дым, поднимающийся из разных мест. На мысу острова Голодный догорал баркас. Большой тополь неподалеку искромсало прямым попаданием, оторвало метра три от верхушки, посшибало ветви.

Дом возле железнодорожной ветки зиял новыми пробоинами, там что-то дымилось. Удивительно, что Ермаков ничего этого не слышал, погрузившись в крепкий сон. Утром отказался от завтрака. Правило – на «охоту» идти только с пустым желудком, дольше проживешь. Фляжку с водой приготовил заранее, а Палеха (золотой мужик!) дал сверток с печеньем, сахаром и плащ-палатку. – С богом, Андрюха!

– К черту.

Боль в ноге немного за ночь утихла, двигаться стало легче. Отполз метров на восемьдесят от взводной траншеи и пристроился в старом окопе, вырытом еще в начале боев за город.

Снайперскому делу Андрея не учили, до всего доходил сам. Хотя на соревнованиях по пятиборью научился стрелять неплохо. Но снайперская охота это не только стрельба, а и умение находить надежную позицию для ведения огня. С вечера присмотрел укрытие на случай минометного обстрела у основания выщербленной стены, защищенной грудой кирпича, и частично прикрытой сверху расщепленной дверью. Укрытие – так себе, но лучшего поблизости не нашлось.

Передний край оживал. С высот Мамаева кургана дала несколько залпов по левобережному лесу батарея 105-миллиметровых гаубиц. Немецкие артиллеристы знали, что пусто там не бывает. Привозят запасы боеприпасов, продовольствия, ждут своей очереди на переправу маршевые роты. В кого-нибудь попадут.

Взрывы снарядов, падающих в лесу, малоэффективны. Деревья гасят осколки и взрывную волну, а людей размещают в глубине леса, низинах, пересохших ериках. Беда, если тяжелый снаряд ударит в дерево, возле которого находятся бойцы.

Здесь уж как повезет и под каким углом рванет снаряд. Может, осколки разлетятся поверху, срезая ветки и верхушки соседних деревьев, а может, обрушатся смертельным снопом вниз, там, где лежат тревожно переговариваясь, бойцы, в большинстве не нюхавшие пороха. Гадают, что их ждет завтра, доставят ли обед и когда поведут к переправе.

Ничего уже не будет. Сухие листья падают на тела, пробитые острыми, как зубья, осколками. Расползаются тяжелораненые. Кому-то повезло, их защитили раскидистые тополя и заросли вяза. Братскую могилу роют здесь же. Эти ребята до Сталинграда уже не дойдут. Отвоевались.

На закуску немецкие гаубицы выпустили несколько фугасов, целясь в бревенчатый причал у поселка Красная Слобода. Бревна массивные – этим калибром их не перешибешь. Порванные тросы быстро восстановят саперы, заменив заодно расщепленные доски и мелкие бревна.

Ермаков уже два часа следил за амбразурой дота, прикрытой металлической заслонкой. Блеснули линзы немецкой оптики, фрицы осматривали берег. Кое-где вели огонь пулеметы обычного калибра, легкие минометы. Мощные пули крупнокалиберного «машингевера»,

укрытого в доте, способны за полкилометра пробивать броневую плиту, но достойной цели для себя немцы пока не видят.

Внизу, на мокром песке, вышагивали вороны, раздергивая останки человеческой плоти. Эти ребята на кромке берега в большинстве останутся пропавшими без вести. Вряд ли их товарищи успели забрать документы, а упавший человек не обязательно убит. Да и кто там ночью чего понял? Упал боец, отлежался, а потом попал в другую часть. И будут ждать без вести пропавшего и год, и два и даже, когда война закончится.

Броневая заслонка поднялась повыше. Значит, фрицы что-то заметили. Левее окапывались бойцы соседнего полка, но их прикрывал бугор. Стрелять по ним бесполезно, немцы патронов на них не тратили. Вдоль левого берега на большой скорости прошел катер – до него слишком далеко. Тоже ни к чему себя лишний раз обнаруживать.

Переправа днем сокращалась до минимума. Но масса бойцов 62-й и 64-й армий постоянно нуждалась в огромном количестве боеприпасов. Без хлеба и махорки можно прожить. Раненые под обрывом потерпят до ночи, а кто умрет от заражения или не вовремя сделанной операции, такая, значит, судьба.

А без патронов никак не проживешь. Октябрь сорок второго был месяцем непрерывных немецких атак. Если кончатся патроны – труба дело. Бойцы копаются в заваленных окопах, выворачивают карманы убитых, ворота нос от нестерпимой вони. Находят пол сотни патронов россыпью, несколько обойм в порванном подсумке. Смятый пулеметный диск наполовину опустошен, но сколько-то патронов осталось.

В обрушенной ротной землянке должен бы оставаться небольшой старшинский запас. Рыхлую землю разгребают лопатками, касками. Есть! Среди глины, камней, ключьев одежды и останков тел нашли несколько просмоленных пачек патронов, две пулеметные ленты и ящик чудом не сдетонировавших гранат.

Ура, живем! Но если разделить найденные боеприпасы на взвод (тем более на роту), то до вечера не хватит. На штыках не продержишься. Поэтому с левого берега посылают мелкие суда, иногда бронекатера, а то и простые лодки с допотопными подвесными моторами, заранее обрекая половину из них на уничтожение.

Вот и сейчас прошел на полной скорости знакомый бронекатер С-40 с бортовым номером «Об». Кто везет, на того и грузят. Капитан «шестерки» – молодой, отчаянный, но уже набрался опыта и пересек Волгу почти благополучно.

Почти, потому что полевая 7 5-миллиметровка угодила в носовую часть фугасным снарядом, вырвала кусок палубы, но остановить ход смелого корабля не смогла. Хоть кто-то и погиб из экипажа, но тридцать тонн груза доставлено: мины, патроны, снаряды к легким пушкам, махорка, сухари и прочее.

А еще принято посылать с курьером засургученные конверты. Могут в спешке харчи и медикаменты забыть, но конверты с увесистыми гербовыми печатями не забудут. Там приказы, инструкции, грозные предупреждения: «Держаться... ни шагу назад... разьяснять бойцам ответственность... за трусость к трибуналу... к расстрелу... в штрафные роты (они только-только появились)». Как же такие пакеты забудешь взять? Без них война – не война, и все рухнет.

«Шестерка» доту с его крупнокалиберным «машингевером» не по зубам. Да и не хотят фрицы рисковать. На бронекатере трехдюймовое орудие в танковой башне и три пулемета. Могут ответить так, что мало не покажется.

И хотя риск получить снаряд в амбразуру минимальный (капитан отчаянно маневрирует, бросает корабль из стороны в сторону, уклоняясь от плотного вражеского огня), немцы не согласны и на этот минимальный риск.

Орудие бронекатера вело беглый огонь на ходу. Если шесть килограммов добротного русского тротила и стали влетят в амбразуру, то расчет размажет по стенам. Лучше не рисковать без нужды. Покурить, похлебать теплого кофе из термоса и дожидаться подходящей цели, наблюдая за Волгой через опущенную броневую заслонку.

Такая цель вскоре появилась. Пассажирский катер-трамвайчик, который до войны ходил в заволжские хутора, возил отдыхающих на пляж. Многочисленные окна в трюме заколотили досками, рубку обшили тонким листовым железом, но пароходик остался тем же беззащитным речным извозчиком со скоростью десятков узлов.

Катер вывернулся из-за обрывистой оконечности острова и, выжимая все возможное из своего двадцатисильного двигателя, шел к правому берегу. Только острая необходимость заставляла пускаться в почти безнадежный путь такие катера, лишенные брони и с трудом выжимающие свои десять узлов. Немецкие самолеты ввязались в схватку с нашими истребителями, и первую половину пути судно прошло благополучно.

Теперь катер обстреливали из полевых орудий – с холмов, а заслонка на амбразуре поползла вверх, давая возможность открыть огонь из крупнокалиберного пулемета.

Очередь. Еще одна. Ермакову показалось, что при свете вспышек он хорошо видит лицо в глубине дота. Андрей нажал на спуск. Пуля выбила рыжее облачко кирпичной крошки. Надо взять чуть левее и не торопиться. Стреляная гильза, звякнув, отлетела в сторону, а хорошо смазанный затвор подал очередной патрон с бронебойно-зажигательной пулей.

Удивительно, но Андрей не услышал своего второго выстрела – слишком сильно был напряжен. Но пулемет замолк, и, пока длилось это недолгое молчание, Ермаков загнал в казенник третий патрон. Пулемет снова ожил. Трассы хлестнули по воде, потом заплясали огоньками на борту катера, ближе к корме, там, где находится двигатель.

После третьего выстрела огонь из дота прекратился. Броневая заслонка сползла вниз. Но в катер, замедливший ход, летели мины. Андрей переполз на запасную позицию. В его сторону из окопа рядом с дотом посылал очереди чешский ручной пулемет «зброевка» с магазином сверху.

Укрытие у Ермакова надежное, но от мины не спасет. Пока минометчики добивают катер, но через пяток минут развернут один из самоваров, и если огонь будет плотный, то какая-нибудь мина обязательно влетит в окоп. Андрей лихорадочно пополз в сторону разваленной железнодорожной будки.

Чешский пулемет его не отпускал, срезая сухие стебли, выбивая крошево щебня. Одна из пуль прошла так близко, что Ермаков ощутил на лице толчок сжатого воздуха. Он скатился в воронку, понимая, что до будки доползти не сумеет.

Тем временем тяжело нагруженный катер, избитый осколками и пулями, набирал все больше воды и едва плелся. Заслонка амбразур дота снова поднялась, и пулемет ударил размеренными очередями по 8-10 пуль. Если мины летели с большим разбросом, то крупнокалиберный «машингевер» посылал пули точно в цель. Горела капитанская рубка, дымилось машинное отделение. Трассы ложились на уровне воды, и в отверстия пробивались десятки новых струек.

Ермаков, обзленный, уже не владея собой, выстрелил, стараясь попасть в ручного пулеметчика, который не давал ему поднять головы. Пучок пуль пропахал влажную землю, забросав его срезанной травой.

Взвод Палехи тоже вел огонь. «Максим», полученный по распоряжению комиссара, посылал длинные очереди в сторону дота, но дуэль закончилась быстро. Немецкий расчет на несколько минут отвлекся от тонущего катера. Тяжелые пули хлестнули по щиту, пробили казенник и кожух. Второй номер, подававший ленту, схватился за плечо и сполз в окоп.

Сержант, командир расчета, пытался перевязать глубокую рану, но пуля натворила дел: перебила ключицу, вырвала на выходе огромное отверстие. Парень истек кровью на руках сержанта.

Тем временем катер резко осел на корму. Из трюмов поднимались пузыри воздуха, судно тонуло, не дотянув до берега полсотни метров. Из десяти человек экипажа на поверхности воды виднелись шестеро. «Зброевка» оставила в покое Ермакова и вместе с крупнокалиберным пулеметом добивала команду. Андрей, приподнявшись на локте, поймал в прицел пулеметчика, который в азарте поднялся над гребнем стены.

Выстрел оказался точным. Пулемет, загремев, покатился по камням и, зацепившись сошками за арматурный прут, повис стволом вверх. Из дота, обозлившись, снова взялись за русского снайпера. Тем временем трое оставшихся в живых моряков с катера выбрали в прибрежные кусты, где их подхватили бойцы Палехи и повели в блиндаж.

– Был катер и нет его, – обжигаясь, пил горячий чай машинист в обгоревшей спецовке и перевязанными руками. – И капитана тоже нет. Тридцать лет по Волге и Каспию ходил. Все, отплавался наш капитан.

Пришла Зоя, сменила повязку одному из раненых моряков. Следом явился старший лейтенант Орлов, подвыпивший и раздраженный:

– Сидите? Катер у вас под носом на дно пустили. Как в тире, очередями дырявили, пока вы здесь лапу сосали. А ты, снайпер хренов? Для чего тебя держим? Да еще на медаль представили.

– Товарищ лейтенант, – не обращая внимания на выкрики Орлова, козырнул Палехе посыльный, – там в кустах еще одного моряка нашли.

– Живой?

– Нет, мертвый.

– Ну вот, еще один погибший. Попрытались по норам, никакой активности. Я...

– Иди-ка ты к себе, Юрий Семенович, – тихо посоветовал Василий Палеха. – Дай нам погибших похоронить. Успокоимся, решим, что дальше делать.

– А что решать и рассусоливать? Воевать надо. Читал, как гвардейцы сражаются? Ни днем, ни ночью фашистам покоя не дают. Ночью подползли и блиндаж взорвали, целый взвод накрыли.

– Так мы же не гвардейцы, – стругая ножом прутик, грустно сообщил Василий Васильевич. – Как умеем, так и воюем. Куда уж нам фашистский взвод одним махом накрыть или там шапками закидать.

– Умничаешь, Палеха? Забыть не можешь, как в больших начальниках ходил?

– Иди-ка проспись, Юрий Семенович. Несешь сам не знаешь что.

– Думаешь, если батальоном когда-то командовал, то теперь на меня наплевать? Я тебя...

– Что меня? – отбросил прут в сторону Палеха.

Чувствуя, что подвыпивший командир роты ввязывается в позорную склоку, Зоя поспешно тянула его из блиндажа. Знала, что Палеха куда опытнее свежее испеченного ротного и все решит как надо. На выходе обернулась к Ермакову:

– Как нога, Андрей?

– Ничего, хожу потихоньку.

– Если потихоньку, то мышца воспалена. Приходи, гляну. Может, в санчасть надо обратиться.

– Какая санчасть! – буркнул в дверях лейтенант Орлов. – У него специальное задание от командира батальона. Или отсидеться хочешь? Я трусов у себя не потерплю. Восьмая рота всегда впереди.

Потом глянул по очереди на Андрея и Зою. Ничего не сказал, но погрозил кулаком:

– Смотрите у меня! Вижу, скучаете друг без друга? Ну-ну, доиграетесь...

– Иди... не устраивай сцены, Отелло хренов, – подтолкнула она Орлова.

А с левого берега, спустя час, скупой отстрелялась дивизионная батарея 122-миллиметровых гаубиц. Выпустили три пристрелочных снаряда и восемь фугасов по цели. 20-килограммовые снаряды поднимали фонтаны земли и битого кирпича. Грохоту было много. Только трудно поймать цель в мешанине разрушенных домов, гудах всевозможных обломков, среди обгоревших ломаных тополей и вязов. Да и расстояние в три-четыре километра сильно рассеивало снаряды. Одно утешение для наших артиллеристов – объектов фрицевских в городе много, авось, кого и накрыло.

Позвонил комбат Логунов. Ротный, видимо, напел ему невесть чего. Обычно спокойный, капитан, повысив голос, отчитал Палеху:

– Отсиживаться никому не дам. Если на каждом участке катера топить будут, останемся без патронов и жратвы.

– Ну и чем ты мне прикажешь катера прикрывать? У меня во взводе, кроме винтовок и трех ручных пулеметов, другого оружия нет. Еще штыки имеются, но ума не приложу, как ими катера защищать. А винтовочные патроны кончаются. Почти все израсходовали, пока катер спасти пытались.

– Пришлю я тебе патронов, – смягчаясь, проговорил комбат. – Как там твой снайпер?

– Трех фрицев сегодня уничтожил.

Доклады ротных командиров о количестве убитых немцев Григорий Матвеевич Логунов воспринимал обычно с изрядной долей недоверия. Палеху он уважал, называл по имени-отчеству и знал, что тот не подведет.

Сейчас даже жалел, что поддался дурацкому самолюбию и не поставил опытного командира Палеху во главе роты. Да еще комиссар Щеглов масла в огонь тогда подлил: «Выдвигай молодых, напористых. Что, Орлов роту не потянет? Еще как потянет, воевать будет как надо, а не портянки у печки сушить». Вот и выдвинули brave лейтенанта Орлова с подачи комиссара.

Тот, действительно, с первых дней проявлял активность. Уже на третий день лично пошел ночью со своими бойцами и закидал гранатами немецкий пулеметный расчет. И в атаку его взвод неплохо сходил, отбив мешавший батальону выступ. За что получил Красную Звезду и «старшего лейтенанта».

Рассчитывал на Орлова, оправдываясь перед собой за Палеху, только новый ротный надежды не слишком оправдывал. Быстро привыкал к водке, принимал решения наспех, полагая, что в этом и состоит боевая активность.

Вот и дождался. Приперся сегодня выпивший с жалобой на Палеху: «Или он, или я. Мне такие не нужны. Любимчиков развел, снайперы мух не ловят».

Комбат Логунов болтунов на место быстро ставил. Рывкнул на расхитившегося Орлова:

– Иди проспись. Мелешь сам не знаешь что. Ермаков сегодня трех фрицев уничтожил. Все бы вы так воевали.

Отправив ротного отсыпаться, спросил Палеху:

– «Максим» нормально работает?

– Нет «максимки». Разбили.

– Ну, другого у меня нет. Жди, пока подвезут. Я тебе последний из резерва отдал. Миной, что ли, накрыли?

– Из дота крупнокалиберный пулемет казенник пробил и кожух издырявил.

– Ну вот видишь, какие там паскуды. Сожги или взорви этот дот к чертовой матери. И комиссар наш успокоится.

– Сожгу, – пообещал Палеха.

– А я тебя в гости приглашу. На жареную баранину.

– Только если Орлова там не будет.

– Чего он тебе сдался? И вообще, учти, что во взводных я тебя держать долго не буду.

– С Орловым местами поменяешь? – подковырнул Василий Палеха комбата. – Такого командира грех обижать. Одни сапоги да португеза чего стоят – хоть напрямиком на парад отправляй.

– Ладно, не умничай, – буркнул Логунов. – На обиженных воду возят.

– А чего обижаться? Блиндаж у меня получше, чем твой. Командирский допнаек получаю. До лейтенанта даже дослужился.

– Иди к черту, – засмеялся Логунов и положил трубку.

Когда закончили разговор с комбатом, Палеха приказал подсчитать количество патронов, гранат и бутылок с горючей смесью. Боеприпасов, благодаря разворотливости Василия Васильевича, было пока в достатке.

Дней пять назад на отмели затонул баркас, и Палеха дважды посылал своих бойцов за добычей. Глубина была метра два, люди в холодной воде намерзли до посинения, пока доставали ящики и коробки. Притащили тяжеленный мешок махорки, радуясь, что не будут страдать без курева. Но когда махру высушили, оказалось, что она никуда не годится – никотин вымыло водой.

– Спалим мы этот дот, – с азартом восклицал Палеха. – Иначе нам Щеглов всю плешь проест и комбату покоя не даст. Все за порванную шинель злится, а про своего погибшего автоматчика даже не вспомнил.

Помкомвзвода Матвей Черных, рассудительный, возрастом немногим более тридцати, задумчиво протирал патроны. Его побитое крупными оспинами лицо кривилось от давней контузии.

К октябрю сорок второго в роте осталось совсем мало бойцов, призванных год назад. Матвей был из немногих, прошедших вместе с отступающей армией путь от западной границы и почти до Москвы. За это время был трижды ранен и три раза выходил из окружения. Обязанности свои выполнял на редкость добросовестно, но все чаще его охватывала тоска. В селе под Борисоглебском у Матвея остались жена, четверо детей и мать с отцом в возрасте под восемьдесят. Тридцать человек ушли из села в первое военное лето и, судя по письмам, остались в живых всего двое-трое. Он уже примирился с неминуемой гибелью, старательно заполнил сведения о себе и закатал исписанный кусочек бумаги в «смертный медальон».

Палехе такое настроение своего помкомвзвода не нравилось, подбадривал, как мог, но Матвей лишь молча смотрел на лейтенанта влажными грустными глазами.

– Чего ты меня, Василий, утешаешь? – как-то выкрикнул он в сердцах. – Воевать за полтора года не научились, да и не научимся. Куда ни глянь, наши русские лежат. Пол-России уже под немцем. Такие у нас грамотные командиры и комиссары. Щеглов на передний край как на колхозное собрание приперся – теперь от страха отойти не может, а нам расхлебываться.

Сегодня в ночь Матвею предстояло идти взрывать дот. Заменял бы его Палеха, да некем. Надежным бойцом был младший сержант Никита Вереютин. Но медлительный, добродушный – в командиры, да еще на такое рискованное дело – не годится.

– Никита, – подозвал Палеха Вереютина. – Бросай свои душевные разговоры с бойцами по делу и без дела. Эта доброта когда-нибудь дорого обойдется, а ты командир отделения, сержант, не забывай про это. Сегодня ночью, если что с Матвеем случится, возглавишь группу и доведешь дело до конца.

– Есть, – козырнул Вереютин и, помявшись, спросил: – А что с Матвеем может случиться?

– Убивают иногда на войне, заметил, наверное?

– Так точно, заметил.

– Ну и на хрена дурацкие вопросы задавать? В общем, Матвей Черных группу поведет, а Вереютин в случае чего его заменит.

– Поведу, куда я денусь, – отозвался Черных. – Только куда эта тропинка приведет, которые саперы протопчут?

– К доту, – отрезал Палеха. – И прекрати тоску разводить, ты у меня первый помощник. – Потом обернулся к Ермакову. – Ас тобой, Андрюха, я не знаю, что решать. Ты ведь снайпер, а там горючкой да гранатами действовать будем, автоматы возьмем, какие есть.

– Пойду со всеми. Мне же поручили дот уничтожить.

– Эх, нашему теляти волка бы одолеть!

– Вроде того и выходит, – согласился Андрей. – Два раза я в амбразуру попал. Может, зацепил кого из пулеметчиков, может, просто напугал, а что толку? Замену они быстро находят, а мне против ихнего «машингевера» и десяти минут не продержаться. Дурь какая-то – с трехлинейкой против дота воевать.

– Конечно, дурь, – согласился Палеха.

– Сильный у них пулемет, легкой пушке не уступит. Когда начали очереди сыпать, я думал, кирпичная стена меня защитит, а от нее обломки в разные стороны и дыра в две ладони.

– Винтовку с собой возьмешь?

– А чего же еще? – удивился Ермаков. – Автоматов лишних нет, нож у меня имеется, гранатами поделитесь.

– Поделюсь, – растроганно ответил взводный, у которого оба сына были старше Андрея. – Золотые вы все ребята, только...

А что «только» – недоговорил. Впрочем, Андрей старого лейтенанта и так понял. Недолгая жизнь золотым ребятам отпущена, и ничего с этим не поделаешь.

Вышли часа в два ночи. Город искрил ракетами и трассирующими очередями. Во многих местах что-то горело, хотя со времени большой бомбежки 23 августа и пожара, сожравшего Сталинград, прошло уже полтора месяца. Чему удивляться? Дома на три четверти одноэтажные, слепленные из всякой рухляди, кизяков, жердей, глины.

Немногие многоэтажки (в три-пять этажей), рухнув после бомбовых ударов, тлели, то затухая, то вновь загораясь. Нефть в огромных баках давно сгорела, сплывая огненным потоком по Волге. Но время от времени бомбы или тяжелые снаряды поджигали лужи мазута или нефти, скопившиеся в оврагах или подземных трубах.

Ночь в Сталинграде никогда не наступала. Загорались и медленно затухали многочисленные осветительные ракеты. Выгорали лесистые овраги, сухой кустарник – дожди большая редкость для этих мест. Вдруг вспыхивали от трассирующей очереди уцелевшие мазанки где-то на склоне оврага, огонь полз по уцелевшим тыквенным и арбузным плетям.

Первые метров сто прошли, лишь слегка пригибаясь. Впереди трое саперов, следом Матвей Черных, Никита Вереютин и еще шесть бойцов. Среди них Андрей Ермаков. Под ногами хлопала вражняя жижа, затем поднялись по обрыву и здесь едва не нарвались на веер разноцветных трассеров.

Может, услышал дежурный пулеметчик подозрительный шорох, а может, встрепенулся со сна и врезал в сторону недобитых большевиков. Сколько их уже постреляли, разнесли снарядами, утопили в Волге. Но тянется с того берега нескончаемая орда в рыжих долгополых шинелях, ботинках, примотанных к икрам зелеными тряпками.

И перебежчиков хватает. С жадностью хлебают через край суп, жалуются на комиссаров, голод, бессмысленные атаки, проклинают колхозы, Сталина. Несут все подряд, и ложь, и правду, лишь бы выжить.

Но Сталинград держится. Бегут, в сущности, единицы, по сравнению с той массой, которая упрямо дерется за узкую полосу берега и сдаваться не желает. Летом больше бежали, а сейчас зима на носу. И русские, и немцы помнят, чем закончилась прошлая зима. Ударят морозы, русские тоже ударят – так говорят старые солдаты.

Пулеметчик глянул на часы. До конца смены оставалось минут сорок. С тоской задумался, в какую даль загнала его судьба. Полтора года служил в Польше. Веселая сытная жизнь. Женщин менял, когда хотел. С последней не рассчитался, задолжал двести марок. Пришла к казарме, а он товарища послал. Тот соврал, мол, перебросили срочно в Россию.

Вот и накликал. Под раскаленным солнцем катили через степи, которые не кончаются. Убогие деревушки, глиняные дома, дети в лохмотьях. Ожились, когда добрались до Дона. Там принимали заявки на будущие участки земли. Конечно, после победы.

А земля плодородная, черная, как ржаной хлеб, пойменные луга, где целые стада выпасать можно. И вода в реках чистая, прозрачная, видно, как шевелят хвостами рыбины.

Ели домашнюю сметану, ловили или покупали за гроши уток, гусей. Крестьяне кланялись, снимали картузы и никогда не торговались. Чувствовали будущих хозяев. Однажды изнасиловали девушку лет пятнадцати. Платить деньги было жалко. Кто-то предложил застрелить ее и бросить в воду.

– Всплывет через день-два, шуму не оберешься, – возразил самый старший в компании.

Застрелить и прикопать проще. Но долго, да и патруль набрести может. Девушка билась от страха в истерике, она понимала некоторые слова – учили ведь в школе немецкий.

Выход нашли. Девку успокоили. Собрали ворох ненужных, ничего не стоящих польских злотых, добавили горсть алюминиевых пфеннигов. На пальцах объяснили, что деньги большие, хватит купить новую одежду или поросенка. Девушка, спотыкаясь, брела прочь, она не пришла еще в себя от ужаса и судорожно сжимала в ладони потертые бумажки и серые алюминиевые монетки с изображением орла.

– Интересно, поверила сучка, что эти деньги ничего не стоят? – спросил кто-то.

– Русские тупые, – ответил пулеметчик. – Ей можно было сунуть фантики от конфет или подарить на память упаковки от презервативов.

Удачная шутка вызвала дружный смех.

На подступах к Сталинграду начались отчаянные бои. Высохшая за лето степь горела, лежали бесчисленные тела убитых – в основном, русских, но все чаще попадались и солдаты вермахта.

– Почему не убираете? – спрашивали у похоронщиков, показывая на безобразно раздутые на жаре тела камрадов.

– Не успеваем, – огрызались похоронщики. – Но мы стараемся. О вас позаботимся особо.

На глазах у пулеметчика стали грузить опухший труп. Внутри лопнуло, на землю потекло что-то тягучее, солдаты шарахнулись прочь от невыносимой вони.

– Чистенькими хотели до Сталинграда доехать, – смеялись над молодежью похоронщики, в основном, дядьки в возрасте.

В русских окопах блестели россыпи стреляных гильз. Из перемолотых гусеницами ячеек несло той же трупной вонью. Русские пушки были разбиты и сплющены, но артиллеристы, видимо, сражались до конца – неизрасходованных снарядов почти не оставалось.

То в одном, то в другом месте стояли обгоревшие танки, некоторые нового образца, с удлиненными орудиями и дополнительной броней. Новая броня от русских пушек их не спасла. Из кузова грузовика пулеметчик мог проследить картину недавнего боя. Русские подпускали танки на сотню метров и поджигали из своих мелких противотанковых пушек.

Кое-где тела русских и немцев буквально сплетались. Здесь, возле брустверов и в траншеях, виднелись следы недавних рукопашных схваток. Конечно, гранатеры действовали отважно и прорвали оборону. Но как страшны и обезображены были их лица, рассеченные саперными лопатками, головы, треснувшие от ударов кованых прикладов.

Все русские были вооружены винтовками со штыками. Четырехгранные узкие, как иглы, лезвия оставляли совсем крохотные отверстия, но каждый солдат вермахта знал, что удары этих штыков приносят смерть. Чаще всего мучительную, так как русские били врага в живот,

прокалывая кольца кишок, мочевого пузыря или поражая самое уязвимое место – солнечное сплетение.

В этом месте машины двигались, как назло, медленно, все было изрыто траншеями и воронками. И со всех сторон на проезжающих смотрели помутневшие от жары выпученные глаза, а черные рты были распахнуты в последнем крике.

Кто-то из знающих рассказывал, что в Красной Армии не хватает патронов, а штыковому бою солдат учат весь день, оставляя час-два на изучение трудов Сталина.

Грузный рыжеволосый солдат неуверенно хвалился, что со своим пулеметом он не подпустит русских ближе ста метров:

– Гляди, сколько их навалено из МГ-34?

– А вон и пулеметный расчет лежит, – ободрили его. – Тоже с МГ-34 воевали, а затем бежать пытались, но их штыками в спину доби́ли. Когда несется такая орда и каждый из них выпил по кружке водки, русских уже ничего не остановит.

– Перед штыковым боем не следует есть горох, – учил другой умник. – Один удар – и все содержимое плещется у тебя в брюшине.

От таких разговоров становилось тошно. Допивали остатки рома или шнапса, курили одну за другой сигареты.

Почти в каждой деревне или хуторе выросло кладбище – ряды крестов с касками наверху и аккуратными табличками с именами-фамилиями. Говорили, что позже их заменят на мраморные памятники.

Мало кто в это верил. Генералам, может, и поставят, а солдаты – отработанный материал. Как говаривал Наполеон – «навоз истории». Русские, конечно, войну проиграли, но и Германии она обошлась такими потерями, что не скоро дойдет дело до мрамора. Все это было давно, в славное время побед и жирной жратвы. Сейчас все по-другому. Мрачные развалины, темная холодная река, много погибших друзей и ничего бодрого впереди. Русские поклялись, что не отступят за Волгу. Вдруг это так и случится? А когда река замерзнет, по льду хлынут резервные части, сытые, в полушубках, со своими начищенными штыками, к которым прибавилось немало пулеметов.

Пулеметчик наклонился и, загораживаясь воротом шинели от пронизывающего ветра, прикурил сигарету. Внезапно он почувствовал опасность, сделал движение, чтобы обернуться, но шею рванули с такой силой, что хрустнули позвонки. Нож вонзился ему в грудь. Сержант Черных осторожно опустил тело на дно окопа и быстро выпрыгнул наружу.

Во взводе очень бы пригодился пулемет. Тем более нового образца МГ-42 с оптическим прицелом, но тащить на себе лишнюю тяжесть было не с руки. Можно захватить на обратном пути. Только лучше не загадывать – будет ли он вообще, обратный путь.

Неподалеку резко хлопнул миномет. Зазвенела, набирая высоту, мина. Следом еще один хлопок, и все вокруг заполнилось ярким светом. Ракета медленно опускалась на парашюте, и длилось это долго.

Группа, растянувшись цепочкой, продолжила путь. Ночью, когда становилось относительно тихо, более отчетливо плыли запахи дыма, нефти, разлагающейся плоти, горелого железа. Временами ветерок с Волги, разгоняя вонь, приносил дух сырости, водорослей и находившейся за последние недели воды.

Доты чаще всего оборудуют немного в стороне от основной линии траншеи. Обстреливают их гораздо чаще, и если пулеметчики могут отсидеться под толстым слоем бетона и кирпичей, то солдаты в землянках и легких блиндажах несут немалые потери.

Этот дот тоже находился в стороне от траншеи и кирпичных нор. Такое положение немного облегчало задачу, но какое-то охранение и наверняка мины поблизости имеются.

– Кажется, здесь, – прошептал сапер, показывая рукой в темноту.

– Давай присмотримся, – опустился на корточки Черных.

Но развалины выглядели одинаково. Гребень стены, который выбрал для ориентира сержант, ничем не отличался от соседнего. Амбразура пряталась в темноте.

– Кажись, вон там, – неуверенно подтвердил свою догадку сапер.

Ермаков дождался очередной ракеты и тоже узнал место. Гребень развалило снарядом, но амбразура различалась хорошо, по-прежнему прикрытая заслонкой. Боятся, что запустят гранату, а наблюдатель находится где-то рядом.

Двое бойцов, держа автоматы наготове, полезли по уступам вверх. У одного из-под ботинка вывалился кирпич. Раздался возглас на немецком языке. Бойцы замерли, вжавшись в груды кирпича. Возглас повторился, уже с угрозой. Требовали откликнуться или назвать пароль. Шипя, взлетела новая ракета. При ее свете Андрей увидел немца в громоздкой теплой шинели с автоматом в руках.

Тот, который запускал ракету, теперь держал наготове гранату, готовясь выдернуть запальный шнур. Оба бойца из взвода Палехи непростительно медлили. Если их даже не заметили, то немцы не успокоятся, пока тщательно не проверят подходы. Свет ракеты начал меркнуть, немец рванул шнурок, и почти одновременно выстрелил Ермаков.

Пуля вошла точно в середину груди. Гранатометчик исчез, а его напарник дал длинную очередь наугад. Если автоматные пули шли куда попало, то граната взорвалась под ногами одного из бойцов, который взбирался на дот.

Теперь медлить было нельзя. Черных и Ермаков выстрелили в автоматчика одновременно, но тот оказался на редкость проворным, нырнул в свою нору и выбросил оттуда сразу две гранаты. Теперь ракеты, шипя, взлетали повсюду. Взрывами гранат оба бойца, так и не сумевшие взобраться на крышу дота, были тяжело ранены и ворочались в луже быстро растекающейся черной крови.

Группа, как было условлено, разделилась на две части. Матвей Черных с одним из саперов минировали амбразуру. Андрей со вторым сапером подбежали к задней дверце. Куски тола были сложены в вещмешок, запальный шнур торчал наружу.

Спички гасли, их задувал ветер. Оба нервничали. Боец, подбежавший на помощь, сунул зажигалку, огонек бензинового пламени вспыхнул и погас, успев все же зажечь шнур. Мешок со взрывчаткой полетел под дверцу, но добровольный помощник, выронив зажигалку, упал, тяжело раненный очередью сверху.

Наблюдатель с крыши добил бойца и выпустил остаток магазина в Ермакова и сапера, которые вжались в стену. Пули размывали обломки кирпичей у них под ногами, рядом шипел бикфордов шнур, подбираясь к брускам тола. В этот момент у наблюдателя закончился магазин.

– Бежим!

Андрей дернул сапера за руку, и оба кинулись в темноту. Унтер-офицер на крыше, меняя магазин, не увидел мешка со взрывчаткой, а шипение бикфордова шнура заглушали выстрелы и хлопки ракет. Рвануло так, что осыпался угол траншеи, за который успели нырнуть сапер и Андрей.

Дверцу вмяло внутрь, но металл выдержал. Тело бойца, так вовремя подоспевшего со своей зажигалкой, превратилось в бесформенный обрубок, на груди тлел изодранный в клочья бушлат. Ермаков секунду колебался, прежде чем бросить бутылку с горючей смесью, но времени оттащить в сторону тело бойца не оставалось.

– Ну что, кидаем? – спросил сапер, который считал Андрея за старшего. – Авось, не обидится парень.

Бутылки, звякнув, раскололись. Густая жидкость вспыхнула, залила бетонированную площадку перед дотом и сочилась в щель, где взрыв отогнул дверцу.

– Мало взрывчатки! – кричал сапер. – У них дверь сантиметров пять толщиной.

Матвей Черных и второй сапер тоже сработали не слишком удачно. Вещмешок с толом откатился по склону метра на полтора, и взрыв не вышиб заслонку, лишь отколол края кирпичей.

Из соседней траншеи уже бежали на помощь. Немцы разглядели при свете ракет, что взорвать дот русским не удалось. Красноармейцы скупно отстреливались из автоматов, но боезапаса надолго не хватит. Двое бойцов, которые первыми пытались взобраться на дот, лежали, иссеченные осколками. Их торопливо перевязали. Одному, который мог кое-как передвигаться, Черных приказал:

– Иди... ползи. В общем, выходи к нашим, пока всех в кольцо не зажали.

Проклятый дот не горел. Из-под дверцы выбивало дым, но команда дота затаилась, ожидая с минуты на минуту помощь.

– Матвей! – позвал Ермаков контуженного взрывом сержанта. – Я полезу наверх. Там позиция удобная, сколько смогу, задержу атакующих. А вы что-нибудь придумайте. У нас времени не больше десятка минут.

Пристроившись за мешками с песком, Ермаков выцеливал мелькающие фигуры и, нажав на спуск, торопливо передергивал затвор. Стрельба получалась неточной, хотя одного он, кажется, срезал. Важнее было прижать атакующих к земле. Беглый огонь, пули, пролетающие над головой, заставляли немцев искать укрытия, но одновременно они усилили огонь.

Атака прекратилась. Понесся какие-то потери, немцы не торопились подставяться под пули. Привычки противника Ермаков знал. Догадывался, что вот-вот посыпятся мины, и спасения тогда не будет. Обожгло руку повыше локтя. Андрей с руганью передернул затвор. Неужели придется подышать на крыше этого проклятого дота?

К нему вскарабкался Матвей Черных. Что-то искал, потом показал на невысокую трубу, сантиметров тридцать в высоту.

– Вентиляция. Я так и думал, что она тут есть.

Пулеметная очередь заставила их прижаться теснее к бетонной плите. Из распоротого пулями мешка сыпался песок. Сержант осторожно опустил в трубу одну, за ней вторую бутылку. Вырвался язык пламени.

– Там, наверняка, решетка, – сказал Черных. – Может, двойная. Я с такими штуками уже сталкивался. Гранат бы еще или бутылку с горючкой.

Андрей пошарил руками вокруг: фляга с водой, ребристая коробка из-под противогаза и завернутая в тряпку бутылка с горючей смесью, про которую он в горячке забыл. В нише лежали две небольшие гранаты, похожие на гусиные яйца, и автоматные магазины.

– Кидай, у тебя лучше получается, – протянул он бутылку и гранаты Матвею.

Со всех сторон стреляли. Черных опустил бутылку в трубу а затем, выдернув запальные шнуры, бросил обе гранаты одновременно.

Взрыв перекошил трубу. Огненным языком взметнулась горючая смесь, внутри дота разгорался огонь. Часть команды выскакивала через амбразуру, остальные, отжав заднюю дверцу, пытались выбраться с тыла.

Трое пулеметчиков, которые выбирались через амбразуру, сумели выскочить. Забросали подходы гранатами, а затем под прикрытием автоматных очередей скатились по склону и исчезли среди развалин.

Трое других немцев с трудом протискивались через заклинившую дверь. Их подгонял огонь. На унтер-офицере горела одежда, но он непрерывно стрелял, прикрывая двух своих подчиненных. Их расстреляли в упор, и все трое остались лежать у входа. Внутри дота трещали в огне патроны, раза два рвануло как следует – видимо, сдетонировали гранаты.

На задание уходили одиннадцать бойцов, вернулись шестеро. Сапера с перебитыми ногами донести не смогли, истек кровью на полпути. Из амбразуры, задней дверцы и трубы вырывалось пламя, дот продолжал гореть, а на позиции роты посыпались мины.

Глава 3

КУРСЫ СНАЙПЕРОВ

Наверное, немцам было бы легче воевать в Сталинграде, не преврати они его в сплошной лабиринт развалин. Можно было использовать танки, выкатывать ближе к русским позициям артиллерию. Но в мешанине разрушенных зданий, заводов, на улицах, сплошь заваленных руинами и перерытыми огромными воронками, техника была бессильна.

Четвертый воздушный флот под командованием генерал-полковника фон Рихтгофена, четко выполняя приказ Гитлера, обрушил на Сталинград такое количество авиабомб, что город, носящий ненавистное для фюрера имя, практически был стерт с лица земли.

Предусмотрительно оставили нетронутыми часть одноэтажных домов на окраинах и поселок Бекетовку, предназначенные для зимних квартир. Квартирмейстеры торопились поделить их между корпусами и дивизиями, но вскоре стало не до дележки.

Командующий 62-й армией Василий Иванович Чуйков, несмотря на то что удерживал лишь малую часть города, взял инициативу в свои руки. Немцы всегда старались избежать ближнего боя, особенно в ночное время. Чуйков навязал им именно такие бои. Штурмовые группы по 8–10 человек ночами проникали в тыл врага и в коротких схватках забрасывали гранатами и выжигали огнеметами порой целое немецкое отделение или окопы минометчиков.

Немецкая авиация в городе теряла свою эффективность. Невозможно бомбить противника, когда он находится в полусотне шагов от тебя. А в ответ на сигнальные ракеты, показывающие позиции красноармейцев, летели ответные русские ракеты. В мешанине цветных вспышек пилотам было невозможно разобраться, куда бросать бомбы.

В Сталинграде снайперское движение быстро становилось массовым и всячески поощрялось командованием. Снайперских школ в Красной Армии практически не было. Снайперы обучались в дивизионных краткосрочных школах, запасных полках.

Ну а в Сталинграде готовили метких стрелков как могли, и недостатка в добровольцах не было. За год войны у большинства красноармейцев накопился личный счет к фашистам. К тому времени уже не оставалось в России семей, которые бы не потеряли сына, отца, не говоря о других родственниках и близких друзьях.

«Убей немца!» – многократно повторял в своем обращении знаменитый журналист Илья Эренбург. И слова его передавались, обретая беспощадную решимость. Слишком большой счет накопился к немцам, и щадить их не собирались. «Убей немца!» – иначе он убьет не только тебя, но и твою семью.

В дивизии, где служил Андрей Ермаков, отбирали бойцов для снайперской учебы. Она была рассчитана на две недели. Но сразу же возникли сложности с выбором места. Да и две недели слишком большой срок, когда в ротах нередко насчитывалось по 20–30 человек и направлять кого-то на учебу было слишком накладно.

Общая обстановка в городе складывалась не в нашу пользу. Непрерывные бои шли на участке длиной 25 километров: от северных окраин города (Тракторный завод, заводы «Баррикады», «Красный Октябрь»), охватывали Мамаев курган, центр города и правый берег реки Царицы, едва не до поселка Бекетовка.

В своих листовках немцы изображали Сталинград в виде мелкого кружка на фоне бескрайней нацистской империи. Кружок протыкал массивный кинжал или прищепывала свастика. Город в кольце, из которого нет выхода.

Опасно врать – теряешь авторитет. В сентябре, водрузив флаг на полуразрушенное здание обкома компартии, в Берлине торжественно объявили, что Сталинград взят. Бравурная

музыка не смолкала с утра до вечера. Немцы и немки со слезами умиления обнимались и поздравляли друг друга. Наконец-то война заканчивается.

Однако Сталинград не был в кольце. 62-я и 64-я армии, прижатые к Волге, оборонялись отчаянно, а вместо мнимого кольца изгибалась по берегу Волги гигантская пружина оборонительных линий. Кое-где она сжималась практически до крайней точки, бои шли у кромки берега. Пружина не поддавалась, огрызаясь контрударами, после которых возле русских траншей все больше прибавлялось немецких трупов.

– Эй, русские, давай перемирие на два часа, – предлагали из немецких окопов. – Надо бы убитых похоронить?

– Что, воняют сильно? – отвечали из траншеи. – Можно и потерпеть. Привыкайте!

– Зараза, инфекция, – объясняли тупоголовым азиатам.

– Тогда вытаскивайте, – разрешали командиры.

Ой как тяжело приходилось нашим бойцам, не успевавшим хоронить своих товарищей. Но бесконечные цепочки немецких похоронных команд, уносивших в тыл несостоявшихся победителей, прибавляли бодрости. Не зря мы здесь сражаемся.

К 15 октября войскам Паулюса удалось овладеть почти полностью самым крупным в городе Тракторным заводом и выйти к Волге на участке два с половиной километра. Оборона Сталинграда была расчленена, а суда, подвозившие по ночам пополнение, боеприпасы и продовольствие, расстреливались при свете ракет прямой наводкой и несли большие потери.

Страшной была переправа через Волгу. Роты и батальоны размещались в трюмы. Когда корабли тонули, а происходило это очень быстро, сотни людей были просто не в состоянии выбраться наружу.

На узких лесенках, ведущих вверх, стискивались клубки человеческих тел, кто-то вышибал прикладами иллюминаторы, но протиснуться через них было невозможно. Очевидцы рассказывали, что нечеловеческий крик заживо уходящих под воду людей, перекрывал грохот взрывов.

Вот в таких условиях группу будущих снайперов в количестве двадцати человек собрали под высоким волжским обрывом и объявили, что с сегодняшнего дня начинаются учебные занятия. Снайперских винтовок имелось штук пять, остальные обещали подвезти позже.

Кроме обычных трехлинеек, выдали несколько винтовок с металлическими складными прицелами без оптических линз. Регулируя длину прицельных трубок разной толщины, можно было добиться довольно точной наводки на небольшом расстоянии.

Но примитивные прицелы без оптики для боя не годились. Трубки цеплялись друг за друга, а крохотный кружок прицельного устройства ограничивал видимость. С помощью этого странного изобретения предполагалось постигать азы прицеливания. Когда трубки заклинивало и они начинали терять балансировку, цепляясь друг за друга, их без сожаления снимали и убирали куда-нибудь подальше.

Условия для занятий были не менее примитивными, а землянку в обрыве копали по очереди. Человек шесть рыли и укрепляли будущее жилище, остальные проходили обучение. Стрелков выбрали опытных, оружие они знали хорошо, но тренироваться в стрельбе было негде.

Полоса песчаного берега под обрывом была шириной метров сто, а где и того меньше. Под защитой высокого обрыва располагались причалы, временные склады, санитарные части. Берег был тылом Сталинграда и напоминал муравейник.

Здесь круглые сутки кипела работа. Перевязывали и даже оперировали раненых. Ремонтировали поврежденные суда, выдавали снабженцам патроны, продукты, которые не успели получить ночью. Мелкие группы, навьюченные мешками и ящиками, поднимались по многочисленным тропинкам наверх, к своим ротам и батальоном, где не стихали взрывы и стрельба.

Берег непрерывно обстреливался. Высокий обрыв неплохо защищал от снарядов, но мины с их навесной траекторией сыпались то в одном, то в другом месте. Здесь действовали политотделы и суды, патрули задерживали праздношатающихся, и особисты быстро разбирались с ними. Дисциплина поддерживалась жесткая. Без этого перевалочного пункта сражавшиеся части просто не смогли бы снабжаться.

Часто налетали немецкие самолеты. Важный для обороны города участок имел довольно слабую зенитную оборону. Истребителей не хватало, зениток тоже было мало. От вражеских самолетов берег обороняли в основном пулеметы (иногда счетверенные) и небольшое количество крупнокалиберных ДШК. Нанести существенный вред бронированным «Юнкерсам-87» они, как правило, не могли.

Раненые, рядами лежавшие на брезенте, с тоской следили за пикирующими «юнкерсами». Обидно погибать, когда выжил в бою, ночью тебя отправят в госпиталь на левый берег, и вдруг снова приближается смерть.

Расчет счетверенного «максима» пытался преградить путь, сбить с боевого курса головной «юнкере», но разноцветные трассы лишь искрили, рикошета от фюзеляжа. Второму пикировщику досталось, он с натугой набирал высоту, из-под капота выбивалась струйка дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.